ГОЛЕМ ПРЯЧЕТСЯ В ТЕНЯХ

СТАСС БАБИЦКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Июль 1883 года. Прага стонет под гнетом Австро-Венгерской империи. В городе запрещены газеты на чешском языке. В университете преподают немецкие профессора, а студентов исключают за вольнодумство. Горожане ненавидят полицию, присягнувшую на верность Габсбургам, но пока еще не готовы восстать против тирании. Все помнят, как жестоко был подавлен предыдущий пражский бунт. Каждый третий доносит на соседа, чтобы под шумок растащить чужое добро. В предместьях, как обычно, боятся погромов… В этом кипящем котле плавятся судьбы целых народов и отдельных людей. Юная карманная воровка. Старый алхимик. Гончар-бунтовщик. Ночной портье из роскошной гостиницы. Ворчливый следователь, имеющий собственное представление о правосудии. И русский сыщик – чужак, которого судьба привела в Прагу в самый неподходящий момент. Или, напротив, в самый подходящий. На улицах города неспокойно, здесь убивают людей – каждый раз ровно в полночь. В жутких преступлениях подозревают Голема, глиняного великана из древних легенд. Удастся ли Мармеладову остановить чудовище?

- Стасс Бабицкий
  - Действующие лица
  - Действие первое
    - Сцена первая
    - Сцена вторая
    - Сцена третья
    - Сцена четвертая
  - Действие второе
    - Сцена первая
    - Сцена вторая
    - Сцена третья
    - Сцена четвертая
  - Действие третье
    - Сцена первая
    - Сцена вторая
    - Сцена третья
  - Действие четвертое
    - Сцена первая
    - Сцена вторая
  - Действие пятое
    - Сцена первая

- Сцена вторая
- Сцена третья
- Сцена четвертая

Стасс Бабицкий

Голем прячется в тенях

Пьеса для радиотеатра в пяти действиях

Действующие лица

ГОЛОС ПРАГИ, призрачный судья, решающий судьбы жителей города.

МАРТИНА БРЖЕЗОВА, карманная воровка.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА, она же – в детстве.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА, ее сестра.

БАБУШКА Мартины и Эльжбеты.

ДОМИНИК КУЧЕРА, полицейский следователь по особо важным делам.

ТОМАШ ВОРЖИШЕК, помощник следователя.

РОДИОН МАРМЕЛАДОВ, русский сыщик.

ЛАДИСЛАВ МОРАВЕЦ, алхимик.

ЙИРЖИ, гончар.

ГУСТАВ, портье в гостинице.

ВИКТОРИЯ, любовница графа Гурьева.

ПАВОЛ, случайный знакомый Эльжбеты.

Действие первое

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Торжественная музыка, шуршание одежд и нервное покашливание.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Так, вот и вы, панове. Подходите ближе, не робейте. Не вас же судят. Присаживайтесь. Нет, не сюда. Это скамья для подсудимых. Когда-то ее сколотили из необструганных досок, чтобы занозы безжалостно впивались под кожу и не позволяли преступникам расслабиться даже на мгновенье. Кто на ней только не ерзал, знали бы вы… Но за тысячу лет столько людей предстало перед нашим судом, что скамья уже отполирована, будто зеркало. Однажды и вас приволокут сюда в колодках, тогда полюбуетесь на свое отражение. Пока же занимайте кресла присяжных заседателей.

Чего же вы топчетесь на месте? А, вас тревожит вопрос: с какой стати? Почему из миллионов ныне живущих выбрали именно вас? Это не секрет, панове. Потому что вы любите страшные сказки. Те самые, которые рассказывают жутким шепотом, глядя на полную луну. Те самые, от которых перехватывает дыхание и кровь стынет в жилах, а кожа покрывается невидимой ледяной коркой. Те, что возвращаются снова и снова в ночных кошмарах. Вы слышали подобные сказки много раз, но сегодня вас ждет нечто особенное. Эта история – не сон и не бред, все произошло наяву, что, собственно, я и берусь доказать.

Наш первый свидетель – Мартина Бржезова. Карманная воровка. Ну-ну, дитя, не смущайся. Это ведь в прошлом, верно?

МАРТИНА *(тихо)*. Верно.

ГОЛОС ПРАГИ *(резко)*. Говори громче, чтобы все слышали!

МАРТИНА *(громко)*. Это в прошлом.

ГОЛОС ПРАГИ *(снова официально)*. Чудесно. Мы как раз хотим ненадолго вернуться в прошлое. Скажи, дитя, когда началась эта история?

МАРТИНА *(рапортует)*. 17 июля 1883 года.

ГОЛОС ПРАГИ *(перебивает)*. Я спрашиваю не про убийство. Когда ты впервые услышала про Голема?

МАРТИНА (задумчиво и робко). Я не помню точной даты. Примерно лет за десять до этого. Я тогда была еще совсем маленькой…

ГОЛОС ПРАГИ *(с нажимом)*. Но сам момент ты помнишь отчетливо?

МАРТИНА *(испуганно)*. Помню, как будто это было вчера.

ГОЛОС ПРАГИ*(все так же официально)*. Скажи, дитя, ты тогда испугалась?

МАРТИНА *(шепотом)*. Очень.

Сцена вторая

Небольшая спальня. На кровати спит БАБУШКА. На другой кровати МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА и МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА. В комнате темно и тихо.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(жалобно)*. Бабушка…

БАБУШКА *(всхрапывая, сквозь сон)*. А?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(тормошит ее, еще более жалобно)*. Бабушка, ну проснись.

БАБУШКА *(просыпаясь)*. О, Гос-споди… Чего тебе, Мартинка?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(шепотом)*. А правду говорят, что он опять приходил?

БАБУШКА *(не понимая)*. Кто приходил?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(страшным шепотом)*. Голем.

БАБУШКА *(удивленно)*. Это кто же такое говорит, внученька?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(мстительно)*. Эльжбета говорит.

БАБУШКА *(сердито)*. Элишка, ну-ка поди сюда!

Нет ответа.

БАБУШКА *(еще более сердито)*. Не притворяйся, егоза. Я же слышу, что ты не спишь. Подойди ко мне.

Слышно, как шлепают по полу босые ноги.

БАБУШКА *(уже спокойнее)*. Ты зачем сестренку пугаешь?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(сердито)*. Ничего я не пугаю. Чистая правда! Голем приходил вчера на Анненскую улицу и убил мясника.

БАБУШКА *(удивленно)*. Да с чего ты взяла?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(уже менее сердито)*. Франтишек божился, что сам видел, как труп выносили из мясной лавки.

БАБУШКА *(вспоминая)*. Это какой Франтишек? Сын кривой повитухи?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(с вызовом)*. Он самый.

БАБУШКА *(возмущенно)*. Весь в мать! Та тоже шастает по округе, собирает сплетни, а если нечего сказать, выдумывает небылицы. Мясник наш, пане Игнац, три дня пил без продыху, вот сердце у него и не выдержало. Но злые языки наплетут всякого…

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(упрямо)*. А откуда у покойника глина во рту? Я сама слышала, как полицейские под нашими окнами шушукались. Один говорит: «И ноздри, и горло забиты, будто кто положил огромную глиняную ладонь на лицо мясника, и так держал, пока пане Игнац не задохнулся».

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА*(испуганно)*. Ой, страсти какие! Бабушка, можно я свечу зажгу?

БАБУШКА *(ворчливо)*. Ишь чего удумала, свечи зря переводить.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(не слушая)*. А другой полицейский отвечает: «И как же нам теперь убийцу искать? Шлюхина ляжка!»

БАБУШКА *(возмущенно)*. Замолчи, Элишка! Негоже такие слова повторять. Вот я тебе язык мыльным корнем натру, чтоб на всю жизнь запомнила… Спите уже, непоседы!

На короткое время воцаряется тишина. Слышно, как ворочается бабушка, как сопят девочки.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(робко)*. Бабушка…

БАБУШКА *(сердито)*. Чего тебе?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(замирая от ужаса)*. А этот Голем… Он очень страшный?

БАБУШКА *(зевая)*. Не знаю, деточка. Я сама не видела.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(упрямо)*. А я видела!.

БАБУШКА *(умиротворенно)*. Спи уже, выдумщица.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(толкая сестру в бок)*. Бреховка она, а не выдумщица.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(запальчиво)*. Видела, видела! Все говорят, что Голем – великан, а он просто высокий. Но сапожник из Кислого переулка всяко повыше будет. Сапожник может к нам в это окно заглянуть, хоть мы и на втором этаже. А Голем даже до подоконника макушкой не дотянулся.

БАБУШКА *(снова ничего не понимая)*. До какого подоконника? До нашего? Что ты говоришь, Элишка? Когда ты Голема видела?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(хвастливо)*. Вчера ночью. Я проснулась оттого, что луна светит. Она же всегда в полнолуние над рекой висит, и прямо в мой угол лучами бьет. Вылезла я из кровати, чтобы задернуть занавеску, и в щелочку посмотрела. А по улице как раз Голем проходил.

БАБУШКА *(с любопытством)*. Да ну? И что же ты увидела?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(горделиво)*. Спину увидела, и огромную голову. Шел Голем посередине улицы, расставив руки в стороны. Пальцы у него такие длинные, что доставали до стен домов слева и справа, а с ладоней стекала влажная глина. Если бы кто из прохожих попался навстречу, то не сумел бы проскользнуть мимо. Заграбастал бы его Голем. Даже тебя, Мартинка, хоть ты и юркая, он бы вмиг прихлопнул.

БАБУШКА *(сердито)*. Элишка! Перестань уже сестру пугать. Не заснет ведь… *(потом снова с любопытством)* И куда, говоришь, Голем шел?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА*(передразнивает)*. Куда, куда… Известно куда! В лавку мясника на углу. Наутро оттуда вынесли покойника. Франтишек так говорит, а он зря болтать не станет.

БАБУШКА *(сердито)*. Тьфу ты! Снова-здорово. Задам я тебе! И Франтишеку твоему достанется. Спите уже.

Тишина, слышен скрип половиц.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(шепотом)*. Бабушка, можно я с тобой лягу?

БАБУШКА *(сочувственно)*. Деточка, да ты вся дрожишь! Зубы стучат, ноги ледяные… *(строго, к Эльжбете)* Довольна, пакостница?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(с вызовом)*. Подумаешь! Эта трясогузка от любого шороха в обморок падает.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(испуганно)*. А вдруг, пока я сплю, Голем придет и меня задушит?

БАБУШКА *(успокаивает)*. Не бойся, Мартинка, Голем хоть и чудовище, а малышей не обижает. Да и взрослых тоже не душит без разбору. Только тех, кто грешил да много зла людям сделал.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(уже сонным голосом)*. Разве пане Игнац был злой?

БАБУШКА *(удивленно)*. С чего ты взяла?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(зевая)*. Так ведь его Голем убил.

БАБУШКА *(убаюкивая)*. Ну-ну-ну, нашла, кого слушать. Пане Игнац просто умер.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(сонно)*. А я умру?

БАБУШКА *(продолжая убаюкивать)*. Умрешь, внученька. Конечно, умрешь. И я умру, и Элишка. Все умрут. А ты спи, спи… Ты вот какую заповедь запомни, Мартинка: не греши больше других. Тогда и спать спокойно по ночам будешь.

В тишине слышно, как тикают часы.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(пугающим шепотом)*. Голем прячется в тенях, ловит он ночных гуляк…

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА *(хнычет)*. Бабушка, скажи ей…

БАБУШКА *(сердито)*. Элишка, ну-ка быстро спать!

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(пугающим шепотом)*. Если встретишь исполина, то умрешь под слоем глины…

БАБУШКА *(сердито)*. Еще хоть слово услышу, запру в чулане до утра!

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(из-под одеяла, пугающим шепотом)*. Полночь часики пробьют, и Мартиночку убьют…

Сцена третья

Та же комната десять лет спустя. На кровати бабушки лежит мертвая Эльжбета. МАРТИНА сидит рядом и держит покойницу за руку.

МАРТИНА *(задумчиво)*. А десять лет спустя все наоборот вышло. Голем мне так и не встретился, а до Эльжбеты добрался… Зря мы не послушали сестру в ту страшную ночь. Надо было уехать из этого ветхого дома туда, где не водится никаких чудовищ. Не знаю, есть ли такие места в мире? Должны быть. Не везде же человеку так паскудно живется и так страшно умирается, как в Праге…

С улицы доносится голос следователя КУЧЕРЫ.

КУЧЕРА *(вдалеке)*. Скажите, панове, где тут прачку задушили? Сюда, говорите? Благодарствую!

МАРТИНА *(подбегая к окну)*. Полицейские. Один уже пожилой и до того худющий, что кажется, сейчас ветер дунет, он согнется, будто ковыль на лугу. Хотя нет, такой не согнется. Вон как нос задирает… Я, скорее поверю, что он этим своим острым носом проткнет ни в чем не повинное облако, как шпиль собора святого Вита… Второй пониже ростом. Молодой, мордатый, уши оттопыренные. Подобных глупарей я навидалась. Сколько раз мне на рынке руки выкручивали, да только я всегда успевала от добычи избавиться. Ни разу меня полиция не сцапала! Но сегодня, сестренка, они по твою душу пожаловали.

Возвращается к кровати, где лежит тело Эльжбеты.

Хотя им душа без надобности, тело будут разглядывать да ощупывать. Ох, Эльжбета… Живая ты даже перед доктором стеснялась раздеться, а сейчас ведь и не спросят. Сдернут простыню, равнодушно перевернут на живот, потом опять на спину. Запишут в протокол, что шея твоя свернута на бок, и даже не восхитятся, какая у тебя кожа нежная, беленькая, без единого пятнышка. А волосы! Я ведь всегда завидовала пышным локонам. Свои-то куцые космы под чепец прячу, а у тебя вон какая грива! И пальчики…

Берет руку мертвой сестры, подносит к губам и целует пальцы по очереди.

Тонкие, легкие… И как они не загрубели от постоянной возни с чужим бельем?! Могла бы чистить карманы, как я. Уверена, у

тебя бы даже лучше получалось.

Стук в дверь.

МАРТИНА *(со вздохом)*. Ненавижу полицию, но придется открывать.

Скрип двери. Входят КУЧЕРА и ВОРЖИШЕК.

КУЧЕРА *(ворчливо)*. В вашем чертовом закоулке нарочно номера на домах не вешают? Пока разберешь, где какой адрес, уж и сапоги стопчешь…
Оглядывает комнату.
Ладно, к делу. Сообщите имя и возраст убитой.

МАРТИНА *(рапортует)*. Эльжбета Бржезова, семнадцать лет.

КУЧЕРА *(так же ворчливо)*. Кем приходитесь покойнице?

МАРТИНА *(спокойно)*. Я ее сестра, Мартина.

КУЧЕРА *(задумчиво с чуть заметным интересом)*. Мартина, Мартина… Погодите! Мартина Бржезова? Не та ли воровка, что промышляет на Вацлаваке и Йиндржишской улице?

МАРТИНА *(с усмешкой)*. Пражский закон гласит: не пойман – не вор. Так что придержите коней, пане полицейский. Вы здесь для того, чтобы искать убийцу.

КУЧЕРА *(снова ворчливо)*. Смотри-ка, мудра не по годам. Сколько лет сравнялось?

МАРТИНА *(настороженно)*. Зачем это вам?

КУЧЕРА *(с ухмылкой)*. Для протокола.

МАРТИНА *(с ухмылкой)*. Для протокола – шестнадцать.

КУЧЕРА *(с ухмылкой)*. А на самом деле? Четырнадцать?

МАРТИНА*(с ухмылкой)*. С половиной!

ВОРЖИШЕК *(глумливо)*. По виду и не скажешь. Выглядишь совсем как взрослая, вон уже и титьки налились!

КУЧЕРА *(сердито)*. Не встревай, Томаш! Твое дело записывать все, что сказано, а говорить буду я.

ВОРЖИШЕК *(смущенно)*. Простите, пане Доминик. Больше не повторится!

КУЧЕРА *(все еще сердито)*. Вот и хорошо. А ты чего молчишь, непойманная? Дерзить расхотелось? Яснее ясного, что иных родственников, кроме покойной, у тебя не осталось. Никто не рыдает на лестнице, не судачит с соседками под окном. Значит, я могу определить тебя в сиротский приют, где живется совсем не сладко. Боишься?

МАРТИНА *(с вызовом)*. Я все равно сбегу оттуда.

КУЧЕРА *(с вызовом)*. Сбежишь, а мы поймаем. Не получится за воровство прищучить, запрем в холодной за бродяжничество. Или еще что придумаем. Ты, девка, с полицией не шути! Эти шутки плохо заканчиваются, уразумела?

Пауза. МАРТИНА молчит. КУЧЕРА пристально смотрит на нее.

КУЧЕРА *(спокойно)*. Ну, вижу, что уразумела. Займемся осмотром места преступления. Томаш, подай футляр с моими очками.

Надевает очки, подходит к кровати, осматривает тело Эльжбеты.

Записывай! *(далее скучным канцелярским голосом)* Шея в неестественном положении, но синяков и других отметин не наблюдается. Как же ее свернули? А-а-а, кажется, понимаю. Убитая… Как бишь ее?

ВОРЖИШЕК и **МАРТИНА** *(одновременно)*. Эльжбета Бржезова.

КУЧЕРА *(все тем же скучным канцелярским голосом)*. Эльжбета, значит… Сидела на кровати, по всей видимости, спиной к открытому окну. Расчесывала волосы… Видишь, под кроватью валяется гребешок? Она услышала, что кто-то лезет в дом, обернулась. Тут убийца и набросился. Одной рукой схватил за затылок, а другой… Другой рукой сунул ей в рот комок глины и давил на подбородок, пока девица не сглотнула. Томаш, запиши

в протоколе, что на щеках покойницы остались характерные отметины от ногтей убийцы. Потом… Глина залепила все горло, не давая вдохнуть и тогда… Тогда злодей заткнул ноздри жертвы еще одним комком глины… Прачка вырывалась, но он держал крепко, пока совсем не задохлась.

ВОРЖИШЕК *(осторожно)*. Вы сказали – он?

КУЧЕРА *(все тем же скучным канцелярским голосом)*. Он. Убийца – мужчина.

ВОРЖИШЕК *(еще осторожнее)*. Откуда такая уверенность, пане Доминик?

КУЧЕРА *(чуть раздражаясь)*. Разве непонятно? У женщины просто не хватит сил удерживать такую кобылицу достаточно долго. Ее душили минут семь или восемь, неужели ты думаешь, что жертва не брыкалась? Следов борьбы почти нет, а они бы остались, будь убийца менее сильным. И мы бы заметили эти следы, ведь покойница абсолютно голая. Это ты раздела сестру, Мартина?

МАРТИНА *(вздрогнув от неожиданности)*. Нет, я ничего здесь не трогала. Когда зашла в комнату и увидела… Сразу послала за полицией.

КУЧЕРА *(пытливо)*. Может быть, она предпочитала спать без ночной рубашки?

МАРТИНА *(качая головой)*. Никогда не ложилась. Нас с детства бабушка приучила, что спать голышом – грех.

КУЧЕРА *(удовлетворенно)*. Я так и подумал. Значит, сама разделась… *(Задумчиво)*. Но тогда… Все было не так, как я описал! *(Осененный внезапной догадкой)*. Все было еще интереснее! *(Возбужденно тараторит)*. Зачеркни, Томаш, зачеркни все, а лучше открой новую страницу и пиши. Эльжбета пригласила некоего мужчину, потому заранее разделась. Стала бы она раздеваться перед женщиной? Волосы расчесывала, чтобы понравиться своему гостю, и смотрела в окно. Услышала, как открывается дверь – ты помнишь, здесь петли несмазанные, мы вошли – заскрипели. Обернулась. Тут он и набросился. Есть подозрения, кто мог желать ей смерти?

МАРТИНА *(уверенно)*. Никто. Эльжбету все любили.

КУЧЕРА *(подозрительно)*. Судя по тому, что ее задушили – не все… А ты где была во время убийства?

МАРТИНА *(спокойно)*. Возле ратуши. Я как раз услышала, что орлой звонит и…

КУЧЕРА *(еще более подозрительно)*. Откуда тебе известно, в какое время ее убили? А? Твоих рук дело? *(хватает девушку за плечо и тащит к дверям)* Отвечай, или я тебя на неделю запру, без хлеба и воды!

МАРТИНА *(отбиваясь от него)*. Да вы из ума выжили! Чтоб я на родную сестру руку подняла?! Мы и в детстве не дрались, даже когда она дразнилась… Пустите! *(кусает его руку)*

КУЧЕРА *(кричит)*. Ах ты тварь! *(слышен звук затрещины)* До крови прокусила… Томаш, запиши в протокол, что подозреваемая оказала сопротивление при задержании и нанесла увечья следователю по особо важным делам… (*к Мартине)* Запираешься? Твое право. Но если повинишься, суд учтет и приговор будет помягче.

МАРТИНА *(всхлипывая)*. Меня всю ночь не было дома. Есть свидетели, которые подтвердят.

КУЧЕРА *(с сарказмом)*. Это кто же? Банда рыночных воров – Косой, Хромой и Немой? Эти подтвердят, да кто же им поверит.

ВОРЖИШЕК*(смеясь)*. Особенно Немому… Пане Доминик, а как же Немой подтвердит? Он же говорить не может.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Ох, тупица… Он же немой, а не глухой. Услышит вопрос, кивнет. На воровку пальцем укажет. А может он и писать умеет. А может и тебе лучше писать протокол да помалкивать в тряпочку?

ВОРЖИШЕК *(откашливаясь)*. Простите, пане.

КУЧЕРА *(еще более раздраженно)*. Да заткнись ты уже! *(к Мартине)* Так кто, говоришь, твои свидетели?

МАРТИНА *(все еще всхлипывая)*. Личная стража барона

Шленчеха. Я его обчистила, когда этот пузан из кареты выкатывался. Стражники за мной погнались, поймали у старой ратуши. Обыскали, а кошелька нет. Грозились избить, но тут полицейские подоспели на шум. Стражники говорят: «Воровку поймали». Я отнекиваюсь: «Напраслину возводят, просто мимо шла». Дальше как обычно, забрали меня в кутузку на Конюшенной улице. Продержали всю ночь, поутру учинили допрос. Отпустили только в десять. Я сразу сюда, а тут…

КУЧЕРА *(с сомнением)*. Это легко проверить. Ладно, допустим. Но если ты не убивала, то откуда знаешь точное время?

МАРТИНА *(с вызовом)*. Потому что знаю, кто убил Эльжбету.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. А чего же тогда молчишь? Говори, кто убил.

МАРТИНА *(понизив голос)*. Голем.

ВОРЖИШЕК *(обескураженно)*. Кто-кто? Я не расслышал.

МАРТИНА *(громко с вызовом)*. Голем ее убил!

КУЧЕРА *(гневно)*. Дуришь нас, убийцу покрываешь. С кем твоя сестра ночь провела?

МАРТИНА*(кричит)*. Никого тут не было!

КУЧЕРА *(не слушая)*. Сказками отбрехаться хочешь? А вот не сходится у тебя, девка. Совсем не сходится!

ВОРЖИШЕК *(перелистывая страницы)*. Почему же? Все сходится. Глина в горле, глина в ноздрях. Ведь так и душит чудовище.

КУЧЕРА *(в бешенстве)*. Томаш, еще раз откроешь рот не по делу – клянусь, я тебя сам придушу! Голем не стал бы раздевать девицу. Он просто убивает и уходит. Здесь был человек, который хочет свалить свое злодеяние на глиняного великана.

МАРТИНА*(удивленно)*. Но зачем?

ВОРЖИШЕК *(иронично)*. Вот ты дуреха! Да чтобы не искали. Свалил на Голема, а сам живет, в ус не дует… Простите, пане

Доминик, но я вроде по делу в этот раз. Надо бы проверить, может убийца деньги украл?

КУЧЕРА *(задумчиво)*. Может быть, может быть… Где Эльжбета хранила сбережения?

МАРТИНА *(спокойно)*. В сундучке, под кроватью.

КУЧЕРА *(с ухмылкой)*. Такая наивная? Жила с воровкой и не боялась деньги оставлять. Что ж, проверь, Томаш.

ВОРЖИШЕК вытаскивает сундук, с грохотом откидывает крышку.

ВОРЖИШЕК *(присвистывая)*. Ничего себе! Хорошо жила прачка. Здесь же куча золота.

КУЧЕРА *(с интересом)*. Золото? Подсчитай и запиши в протокол. Разберемся потом, может это младшенькая наворовала, да в сундуке у сестры спрятала. А может, убитая продавала свое тело всем желающим, а один из клиентов ее и придушил.

МАРТИНА *(оскорбленно)*. Не смейте говорить такого! Моя сестра – порядочная девушка, она берегла себя для будущего мужа. А платили ей много потому, что стирала батист и шелк очень аккуратно. Богатые дамы это ценят.

КУЧЕРА *(недоверчиво)*. И платят золотом за стирку? Когда сотни других прачек прополощут, отожмут и накрахмалят за медяк?

МАРТИНА *(втолковывает как непонятливым детям)*. Золотом они платили за то, что Эльжбета умела держать язык за зубами. Не болтала на улицах, как иные сплетницы, про то, какие именно пятна отстирывала с простыней и сорочек почтенных дам.

ВОРЖИШЕК *(в сторону)*. Так может, Голем ее и придушил за то, что покрывала прелюбодеек?

МАРТИНА *(гневно)*. Чего же он сперва самих прелюбодеек не поубивал? Нет уж, панове, если вы и дальше хотите злословить про мою сестру, то хотя бы не делайте этого здесь. Проявите уважение к покойнице! Выходите на улицу, там найдется много желающих почесать языки. Но даже самые отчаянные клеветники

не обвинят Эльжбету в позорных грехах. Вот и вы не смейте!

Сцена четвертая

Ратушная площадь Праги. МАРТИНА идет неторопливо, ее каблуки стучат по булыжниками и каменным плитам, которыми вымощена площадь.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Полицейские обыскали наш дом, впрочем, не особо старательно. Не подняли половицы, по стенам толком не постучали, а потому три моих тайника с награбленным добром остались нетронутыми. Спровадила я тощего и мордатого вскоре после трех – как раз пане Ктибор возвращался с рынка, громыхая бидонами. По нашему молочнику можно часы сверять. Жена у него больно строгая, знает наверное, что молоко пражане покупают до полудня, пока не скисло. Немцы, те могут и до двух, но уж после – никто не подойдет. Потому все нераспроданное просто выливается в сточную канаву. И если муженек не вернулся вовремя, пани Собеслава начинает подозревать, что он пьет пиво в господарне. Готовит колотушку, чтоб встречать охальника тумаками…

Полицейские больше не позволяли себе грязных намеков, но их слова заронили в мою душу сомнения. А вдруг у Эльжбеты и вправду был тайный воздыхатель? Он добивался… Ну, вы и сами знаете, чего эти мерзавцы обычно добиваются. Только сестра все равно не согласилась бы. Она все уши прожужжала: «Не поддавайся на уговоры, Мартинка! Береги себя до свадьбы!» Будто меня кто-то уговаривает. Это она красоткой была, а я серая мышь. Ну, так мне оно и выгоднее – юркнула туда, шмыгнула сюда, хвостиком махнула и кошелечек долой.

Могла ли Эльжбета хитрить? Могла, конечно. Чем она лучше меня? А я про свои делишки сестре не рассказывала. Если прав старый следователь, и Голем тут ни при чем, то убийство совершил человек. И я найду эту сволочь, пусть даже придется перетрясти весь город, как колоду карт!

Три часа я расспрашивала всех наших соседок, лавочников с окрестных улиц, прачек в полоскальне, даже старую сводницу из притона на Целетной улице – никто и словом не обмолвился, что знает, с кем закрутила Эльжбета. Когда я уже совсем отчаялась, появился босоногий мальчишка лет десяти. Спрыгнул с дерева на дорогу, прямо передо мной, встал подбоченясь, словно статуя на Карловом мосту.

ПАВОЛ *(с прищуром)*. Ты, что ли, про Элишку допытываешься?

МАРТИНА *(тоже с прищуром).* А ты с чего это взрослую панночку Элишкой называешь?

ПАВОЛ *(важно)*. Мне-то можно! Дружили мы.

МАРТИНА *(презрительно)*. Не маловат, дружить-то? Небось, таскался за ней на речку, да подглядывал из кустов, как белье полощет. Стоило Эльжбете юбку подоткнуть, чтоб подол не замочить, а ты на ее стройные ножки таращился. Так что ли, озорник?

ПАВОЛ *(шмыгая носом)*. Ну, чего ты! Чего взбеленилась? Я ж наоборот всегда, как завижу Элишку издали, прогонял ватагу, что на прачек пялится, а на обратной дороге помогал корзину донести до дома. А теперь все говорят, ее Голем убил…

МАРТИНА *(грустно)*. Убил, это точно. А Голем или нет, я как раз выясняю. Тебя самого как звать-то?

ПАВОЛ *(шмыгая нососм).* Павол.

МАРТИНА *(осторожно).* Скажи, Павол… Раз ты часто с Эльжбетой на речку ходил, да потом в городе встречал… Может заметил рядом с ней кого? Повзрослей тебя?

ПАВОЛ *(обиженно)*. Скажешь тоже! Не было у Элишки никого другого. Только со мной везде ходила!

МАРТИНА *(притворно вздыхая).* Жаль, я думала, хоть от тебя польза будет, а ты, как и все, не знаешь ничего.

ПАВОЛ *(загадочно)*. Да как сказать… Монетку дашь, может, и покажу тебе кой-чего важное.

МАРТИНА *(фыркая)*. Шустрый какой. Монетку! Сперва покажи, что там у тебя.

ПАВОЛ*(растягивая слова)*. Не-е-ет, сперва денег дай.

МАРТИНА *(с показной строгостью)*. Не стыдно на смерти подруги наживаться?

ПАВОЛ *(дерзко)*. Ты меня не совести. Если бы это помогло

Элишку вернуть, я бы за так отдал. А раз уже не воротишь… Хоть хлеба с медом куплю, да помяну ее по-человечески.

МАРТИНА *(позвякивая монетами)*. Уговорил. Вот тебе три геллера, хватит? Что там у тебя?

ПАВОЛ *(доставая из кармана)*. Пузырек из синего стекла.

МАРТИНА *(с интересом)*. И с чем он?

МАЛЬЧИК *(шмыгая носом)*. Пустой.

МАРТИНА *(возмущенно)*. На кой мне сдался пустой пузырек? Верни деньги, обманщик!

ПАВОЛ *(хитро улыбаясь)*. Ты погоди, дослушай. В том пузырьке вроде лекарство было. Его Элишка третьего дня в реку вылила. Пузырек этот хотела туда же зашвырнуть. Но я уговорил мне отдать, уж больно красивый. Тут и картинка есть, прям на стекле выбитая. Очень заковыристая картинка, я через нее на солнце смотрел и все гадал, что же она означает. Ты посмотри, может, и узнаешь чего…

МАРТИНА *(рассказывает)*. Картинка и впрямь впечатляла – пять орлов разлетаются полукругом, над ними чаша, а еще выше то ли солнце, то ли звезда о семи лучах. Долго разглядывала ее, все пыталась поймать ускользающее ощущение. Я ведь уже встречала такой рисунок. Но где? Вспомнить бы… Проходя по Староместной площади, я решила довериться судьбе – свернула в первый попавшийся проулок, потом за домом с белыми львами, пошла наугад. Прага сама подскажет, куда мне нужно. Приведет к нужной двери. Через час бесцельных блужданий набрела на незнакомый тупик, хотя казалось, что я все закоулки с детства исходила. Прошла до конца и уперлась в стену покосившегося домика. Обошла по кругу, глянула на него спереди – и ахнула. Вывеска потемнела от времени, но все же я увидела и орлов, и чашу со звездой. Точно! Здесь же алхимик живет, пане Ладислав из Моравии. Десять лет назад я на этих орлов прибегала любоваться чуть не каждый день, тогда вывеска сверкала и искрилась. Было в ней что-то по-настоящему волшебное, казалось, что птицы вправду машут крыльями, а лучи звезды загорались всеми цветами радуги…

Но с тех пор многое переменилось. Дом покрылся копотью и черной плесенью, окна заросли жирной грязью. Сам алхимик, и в

прежние годы не слывший образцом дружелюбия, стал желчным и озлобленным старикашкой. К нему и днем-то немногие отважатся зайти с расспросами, а уж сейчас, в сумерках, никто не сунется и подавно. Я вспомнила любимую бабушкину присказку: «Что ни моравец, то мерзавец. Держись от них подальше, деточка!» Заробела идти в одиночку. Хоть и претит мне эта затея, но придется сбегать за полицейскими.

МАРТИНА приходит в полицейский участок, за столом сидит ВОРЖИШЕК.

ВОРЖИШЕК *(шелестя бумагами)*. Алхимика? На допрос? Насмешила, стрекоза. Пане Доминик давно ушел домой, да и мне пора на боковую. Засиделся с этим треклятым протоколом…

МАРТИНА *(просительно)*. Но мне очень надо! Да и вам тоже, если хотите найти настоящего убийцу моей сестры. Этот пузырек алхимик дал Эльжбете. Смотрите, смотрите, тут клеймо его личное имеется.

ВОРЖИШЕК *(берет пузырек, принюхивается)*. Хм-м, а пахнет приятно… Что за зелье тут было?

МАРТИНА *(нетерпеливо)*. Самой не терпится узнать! Пане полицейский… Томаш, так?

ВОРЖИШЕК *(приосанившись)*. Точно так. Томаш Воржишек, помощник следователя по особо важным делам.

МАРТИНА*(льстиво)*. Пане Томаш, помогите. Допросите алхимика. Одной мне боязно идти, но с вами ничего не страшно. Вы такой храбрый и сильный.

ВОРЖИШЕК *(расплываясь в улыбке)*. Все верно, таков я и есть.

МАРТИНА *(продолжая уговаривать)*. Помогите! А если выяснится, что магик причастен к убийству, вас ведь из помощников сразу в следователи переведут.

ВОРЖИШЕК *(задумчиво)*. Переведут? Не факт, голубица. В пражской полиции самые высокие посты доверяют лишь тем, кто родился в этом городе. Свои надежнее, считает начальство. А я приехал из Голешовице, потому на всю оставшуюся жизнь

обречен подавать футлярчик с очками да записывать в протокол умные мысли пане Доминика Кучеры. Не видать мне ни чинов, ни наград, как своих ушей.

МАРТИНА *(не сдается)*. Не знаю, как насчет чинов, а уж вознаградить вас я сумею.

ВОРЖИШЕК *(скабрезно)*. Вознаградить, говоришь? Тебе же всего четырнадцать. Или ты уже того…

МАРТИНА *(сдерживая ярость)*. Вы не о том думаете, пане Томаш. У меня есть деньги, вот, смотрите, двенадцать золотых! *(слышится звон монет)* Достойная награда за несколько вопросов, которые вы зададите алхимику?

ВОРЖИШЕК *(перекатывая монеты по столу)*. Как-то это все… Не знаю. Это же нужно идти, будить почтенного человека, потом выдавливать из него ответы по капле.

МАРТИНА *(с ухмылкой)*. Понимаю, на что вы намекаете, но это все деньги, что у меня есть. Хотите, заберите и те, что в сундучке сестры. Вы же принесли его сюда?

ВОРЖИШЕК *(все еще колеблется)*. Принесли, описали и по окончании расследования, вернем законной наследнице погибшей. Это что же, выходит, тебе и вернем? А ты мне их отдашь?

МАРТИНА *(кивает)*. Отдам! До последней монетки.

ВОРЖИШЕК *(задумчиво)*. Хм-м. А там ведь намного больше двенадцати золотых.

МАРТИНА *(с ухмылкой)*. Намного больше, пане Томаш.

ВОРЖИШЕК *(встает и набрасывает на плечи плащ)*. Ладно! Пойдем, подергаем твоего алхимика за бороду.

Действие второе

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежд и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ*(официально)*. Свидетельство Мартины Бржезовой принято. Далее мы заслушаем показания алхимика, пане Ладислава…

МОРАВЕЦ *(перебивая)*. Я отказываюсь говорить.

ГОЛОС ПРАГИ*(с легким удивлением)*. Отказываетесь? Разве вы можете отказаться?

МОРАВЕЦ *(горделиво)*. Я не обязан держать ответ перед вами! Я родился в Моравии, пражская магия на меня не действует. Посему ни вы, ни целый легион призраков, не заставите меня говорить.

ГОЛОС ПРАГИ*(с нажимом)*. Мы умеем задавать вопросы настолько убедительно, что игнорировать их невозможно. Хотите, я призову из могилы ваших прежних соратников, и этот допрос продолжат они?

МОРАВЕЦ *(испуганно)*. Нет, умоляю вас, не делайте этого. Не заставляйте меня заново переживать те страшные минуты…

ГОЛОС ПРАГИ*(с нажимом)*. Вы будете говорить?

МОРАВЕЦ *(растерянно)*. Я… Я не знаю…

МАРТИНА *(перебивая)*. Позвольте, я расскажу. Пане Ладислав – человек пожилой, память может подвести его, а это совсем некстати. Я же могу представить вам полную картину того, что происходило вечером 17 июля 1883 года в доме магика.

МОРАВЕЦ*(шепотом)*. Спасибо, Мартинка. Прости, что не уберег тебя от тяжкой доли…

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Да будет так. Свидетельствуй, дитя.

Сцена вторая

Комната алхимика, большая, очень грязная и захламленная. МАРТИНА и ВОРЖИШЕК стоят на пороге, МОРАВЕЦ сидит за столом.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Все-таки хорошо, что пане Томаш отправился со мной. Явись я одна, алхимик, пожалуй, прибил бы меня прямо на пороге. Причем без всякой магии. Он беспрестанно сжимал огромные кулаки, сверкал глазами исподлобья, а нечесаная борода топорщилась во все стороны, будто иголки ежиные. Нагнал страху, у меня аж коленки задрожали. Но полицейского подобными фокусами не проймешь. То ли он и вправду храбрый, то ли мозгов не хватает, чтобы осознать, с какой грозной силой столкнулся. Вышел на середину комнаты, пальцем тычет… Но мне это только на руку: пока пане Ладислав будет его в жабу превращать, успею убежать подальше.

ВОРЖИШЕК *(обвиняющим тоном)*. Каким образом вы причастны к убийству Эльжбеты Бржезовой?

МОРАВЕЦ *(удивленно)*. Я? Причастен?

ВОРЖИШЕК *(самоуверенно)*. Раз я говорю, что причастны, значит причастны!

МОРАВЕЦ*(ворчливо)*. Раз вы в том уверены, тогда что же от меня хотите узнать?

ВОРЖИШЕК *(слегка запутавшись)*. Я хочу узнать, каким образом…

МОРАВЕЦ *(с оттенком насмешки)*. Что – каким образом?

ВОРЖИШЕК *(окончательно запутавшись)*. Каким образом вы причастны к убийству Эльжбеты Бржезовой.

МОРАВЕЦ *(спокойно)*. Не могу сказать, поскольку я ни к какому убийству не причастен.

ВОРЖИШЕК *(нервно сглатывает, оглядывается на Мартину)*. Но пузырек…

МОРАВЕЦ *(недоуменно)*. Какой пузырек?

ВОРЖИШЕК *(ставит флакон на стол)*. Вот этот пузырек. Станете отрицать, что он ваш?

МОРАВЕЦ *(мрачно)*. Кто вам сказал, что он мой?

ВОРЖИШЕК *(с ухмылкой)*. На нем выбита картинка, которая точно повторяет вывеску на вашем доме.

МОРАВЕЦ *(мрачнея еще больше)*. Вывеска? Ну, так что, что вывеска? Я лишь один из пяти «Богемских орлов», в этом ордене состояли еще четверо алхимиков, и вывески у нас на домах

висели одинаковые. Пузырек мог заказать любой из моих собратьев.

ВОРЖИШЕК *(ухмыляясь все шире)*. «Богемские орлы» давно не летают. Вы последний из общества магиков, потому с вас и спрос.

МОРАВЕЦ молчит. ВОРЖИШЕК достает блокнот и шелестит страницами в поисках чистой.

ВОРЖИШЕК*(официально)*. Представьтесь для протокола.

МОРАВЕЦ *(отстраненно)*. Ладислав Моравец.

ВОРЖИШЕК *(официально)*. Ваш возраст?

МОРАВЕЦ *(отстраненно)*. Не помню.

ВОРЖИШЕК *(удивленно)*. Разве можно забыть, когда вы родились?

МОРАВЕЦ*(шепотом)*. Забыть бы все, что случилось после моего рождения… Но, к сожалению, не получается… *(бодро)* Так вас интересует, мой ли это пузырек? Да. Но я продал десять тысяч таких пузырьков жителям Праги, и потому затрудняюсь сказать, кому именно достался этот.

ВОРЖИШЕК *(с нажимом)*. Так я же вам сказал, кому он достался. Эльжбете Бржезовой.

МОРАВЕЦ *(настороженно)*. Вы нашли пузырек в руке у покойницы?

ВОРЖИШЕК *(нервно)*. Нет, но…

МОРАВЕЦ *(перебивая его)*. Тогда не спешите утверждать! Видели вы, как девица пила из него?

ВОРЖИШЕК *(нервно)*. Нет, но…

МОРАВЕЦ *(с улыбкой триумфатора)*. А раз так, то я, в который уж раз, официально заявляю, что не имею никакого отношения к убийству Эльжбеты Бржезовой.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Вот и вся польза от пустомели в мундире. Нет, пане Томаш, полицейское начальство отказывается повышать вас вовсе не потому, что вы приехали из Голешовице. Причина в том, что вы непроходимый тупица. Это же надо, потратить столько времени и не спросить главного! Пришлось мне вмешаться в беседу, хотя жуть как не хотелось злить алхимика.

Складывает руки лодочкой и просительно обращается к Моравцу.

Пане Ладислав, а что было в пузырьке?

МОРАВЕЦ *(хмуро)*. Не знаю, ведь теперь там ничего нет. Останься внутри хоть капля, можно было бы догадаться, по цвету

или вязкости, а так…

МАРТИНА *(вежливо, но настойчиво)*. Остался характерный запах, его еще можно почувствовать.

МОРАВЕЦ *(осторожно)*. Думаете, это разумная затея – вдыхать запах неизвестного магического зелья?

МАРТИНА *(насмешливо)*. Я нюхала этот пузырек, пане полицейский тоже, потом еще маленький бродяжка – все живы. И вы вдохните, не бойтесь.

МОРАВЕЦ *(раздраженно)*. Мне бояться собственных эликсиров? Пф-ф-ф! Вы что же думаете, я и вправду торгую чем-то смертельно опасным? Здесь была настойка для укрепления здоровья, и если вы продолжите утверждать, что Эльжбета умерла после того, как выпила ее…

МАРТИНА *(перебивая его)*. Нет, Эльжбета вылила ваше зелье в реку три дня назад.

МОРАВЕЦ *(радостно)*. Хвала создателю!

МАРТИНА *(не слушая)*. А умерла она по другой причине. Минувшей ночью ее задушил Голем.

ВОРЖИШЕК *(возмущенно)*. Зачем вы сказали? Нельзя раскрывать подробностей преступления, пока преступник не пойман.

МАРТИНА *(отмахиваясь от него)*. На улице с утра обсуждают убийство моей сестры, обсасывают во всех подробностях, а уж домыслами эта история обросла такими, что правды не разглядеть.*(к Моравцу)*. Вы-то сами магик, пане Ладислав, так скажите – мог ли Голем, который приходит лишь к самым отпетым грешникам, задушить мою беспорочную сестру?

МОРАВЕЦ *(пытаясь собраться с мыслями)*. Грешники? При чем тут грешники? Голему плевать на наши грехи, все это бабкины сказки. Великан из глины появился не просто так. Его создали, чтобы служил и выполнял любые приказы своего хозяина. Того, кто вложил в пустую голову записку с магическими письменами. Голем – слепое орудие, он убивает по указке своего повелителя.

ВОРЖИШЕК *(шелестя страницами)*. Позвольте, позвольте… В каком это смысле, слепое орудие?

МОРАВЕЦ *(снисходительно)*. В самом прямом. У Голема нет глаз. Таким его создали изначально.

МАРТИНА *(испуганно)*. Как же он находит нужных людей?

МОРАВЕЦ *(пугающим шепотом)*. Принюхивается. Чутье Голема в тысячу раз лучше собачьего, поэтому он и может отыскать любого человека в таком гнилом и вонючем клоповнике, как Прага. Но для этого хозяин должен дать ему понюхать что-то из личных вещей намеченной жертвы.

ВОРЖИШЕК *(с ухмылкой)*. Вы что же, верите в это?

МОРАВЕЦ *(резко)*. А вы разве нет?

ВОРЖИШЕК*(продолжая ухмыляться)*. Я же не девчонка впечатлительная. Смотрите, как Мартина побледнела, не ровен час, в обморок брякнется. А мы в полиции мыслим рационально. Пражане, все наперебой, ахают: Голем убивает грешников уже много сотен лет. Почему же его никто не видел? Как может великан из глины спрятаться на ваших узких улочках? Как он может пройти незамеченным по этой гулкой мостовой? И это в ночной тишине, когда на всю округу слышно даже, как случайный прохожий нужду справляет. А Голем – он же гигантского роста, и топотать должен похлеще конного парада!

МОРАВЕЦ *(снисходительно)*. Меня не удивляет, что полиция мыслит рационально. Меня удивляет, что полиция вообще умеет мыслить! Даже малые дети в Праге знают, что Голем не ходит по улицам. Он сделан из глины и потому является частью самого города. Голем может наступить на плиты Вацлавской площади, а через секунду появиться на окраине, вынырнув из мостовой, будто из реки. А может выйти из стены за вашей спиной, она ведь тоже глиняная.

ВОРЖИШЕК в ужасе оборачивается, роняя блокнот.

МОРАВЕЦ *(лукаво)*. Видите, теперь и вы испугались, рациональный пане полицейский.

ВОРЖИШЕК *(нервно)*. Чтоб вас черти в аду жарили за такие шуточки…

МАРТИНА *(спокойно)*. Пане Ладислав, вы так и не сказали, зачем к вам приходила Эльжбета.

МОРАВЕЦ *(сердито)*. И не скажу, это дело личное!

ВОРЖИШЕК *(снова скабрезно)*. А я, кажется, догадался. Вы с ней, что ли…

МОРАВЕЦ *(еще более сердито)*. Замолчи, юнец! Я посвятил себя алхимии, всего, без остатка! *(сдерживаясь)*. Если вам так хочется рациональных объяснений, то извольте. Эльжбета стирала мое белье, а я вместо оплаты готовил ей микстуру для укрепления здоровья. А теперь, с вашего соизволения, пане полицейский, я хотел бы лечь спать. Время позднее. Так что или арестуйте меня, или убирайтесь прочь.

МАРТИНА и ВОРЖИШЕК уходят. Звуки ночного города.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Мы и ушли. Спотыкались в темном закоулке, пока впереди не показалась площадь, где

горели фонари. И тут меня осенило! Я ведь вновь и вновь прокручивала в голове разговор с алхимиком, пытаясь понять, что именно показалось мне подозрительным, да никак не могла ухватить. А вышла к свету, и все сразу прояснилось. Вот она истинная магия: тонюсенький луч рассеивает тьму не только на улицах, но и в голове тоже.

Я вспомнила, как алхимик испугался появления полицейского. Виду не показал, потому и непонятен был его страх, пока он не выдохнул с облегчением. Только в этот момент и стало ясно, как сильно его беспокоил приход пане Томаша. А выдохнул он, когда узнал, что Эльжбета не пила из того пузырька. Обрадовался, чуть не запрыгал от счастья. Видимо, зелье там было непростое, какая-нибудь черная магия. Вот что связывало моравца с моей сестрой. Про стирку белья он выдумал уже под конец беседы, чтобы от нас отвязаться. Алхимик живет, как в хлеву. Такой беспорядок невозможно за неделю навести, хлам и грязь копились в его доме годами. Станет такой неряха белье в стирку отдавать?

Пане Томаш, похоже, размышлял о том же. Когда мы подошли к фонтану, он зачерпнул пригоршню воды, умылся, потом стряхнул оставшиеся на ладони капли и расхохотался.

ВОРЖИШЕК *(смеясь)*. Стирала белье, как же. Этот пес смердящий бельишко не менял уже месяц, а то и больше.

МАРТИНА *(осторожно)*. Зачем же сестра приходила к нему?

ВОРЖИШЕК *(смеясь)*. Хоть он и говорит, что посвятил себя алхимии без остатка, но я уверен, что под мантией у него все-таки осталось кой-чего. Пусть размером со скрюченный мизинец, а все же годное для…

МАРТИНА *(злобно)*. Что же вы весь день эту грязь в ступе толчете?! Эльжбета была невинна!

ВОРЖИШЕК *(насмешливо)*. Так может алхимик покупал ее кровь? Вдруг ему кровь девственницы для ритуала нужна была, чтобы свинец в золото превращать. А когда превращение не удалось, понял, что Эльжбета его обманула, и наслал на нее Голема… *(звук пощечины)* Эй, ты чего? Куда побежала? *(удаляющийся крик)* Стой, дуреха!

Сцена третья

Ночная Прага. МАРТИНА быстро идет по улице.

МАРТИНА *(рассказывает, слегка задыхаясь)*. Я влепила пощечину полицейскому! Впервые в жизни. О, какой прилив радости я испытала. Бежала вниз по улице, будто на крыльях летела… Пане Томаш ругался мне вслед, но вскоре его голос затерялся в переулках Праги. Я спустилась к реке, хотелось поскорее вымыть руку. Ладонь горела огнем, щеки тоже пылали. Дорого же мне придется заплатить за свою несдержанность. Отомстит мордатый, в этом можно не сомневаться. Подленькое у них нутро, у всех, без исключения. Завтра же нагрянет с ордером, а за нападение на стража закона в Праге судят сурово. Черт его знает, может и сегодня заявится. Домой возвращаться нельзя, там могут устроить засаду… Но если подняться на крышу и заглянуть в окошко… Вдруг повезет и меня не заметят? Надо рискнуть. Негоже оставлять золото в тайниках, да и деньги в дороге пригодятся.

Я решила исчезнуть из города, хотя бы на время. Отправлюсь в путешествие, может быть в Вену или в Берлин, а может и в Петербург, тоже красивый город, если Франтишек не брешет. Хотя откуда ему знать, дальше рыночной площади сроду не выходил. Сидит в своей лавке, табаком торгует и брешет. А раз брешет, нет резону ехать в Петербург. Лучше на юг, к морю. В Италию! Но прежде наведаюсь-ка я к алхимику. Раз терять уже нечего, довыспрошу все, что сумею, про Эльжбету и зелье в синем пузырьке.

Приходит к дому МОРАВЦА.

Дом пане Ладислава за этот час, кажется, покосился еще сильнее, завис на краю высокого берега Влтавы, дунет ветер посильнее – сползет под откос. Окна светятся, значит, хозяин не спит. Я присела у ставня и прислушалась. Вроде разговаривает с кем-то? Гость у него? В столь поздний час? Вот в чем дело. Ждал кого-то, потому и оборвал нашу беседу внезапно. Торопился избавиться от ненужных свидетелей.

Я попыталась заглянуть в окно – бесполезно. Стекла мутные, все в бурых потеках… Сквозь такие ничего не разглядишь. Приоткрыть дверь? Ох, боязно… Разве что на самую узкую щелочку… Вот так… Теперь можно разобрать голоса. Нет, один голос. Бормотание алхимика. Магию он там творит, что ли? Жуть, как любопытно, но ведь в том и жуть! Обратит меня в канарейку, да в клетку посадит… Голодом морить станет… Нет, надо

уходить! Но как уйти, не взглянув на колдовство?!

Скрип двери.

Я открыла дверь, в любую секунду готовая дать стрекача, просунула голову и обомлела. Комната изменилась. Прежде здесь царил бардак, а теперь витала магия. Со стола исчез весь ненужный хлам, скорее всего алхимик просто сбросил его на пол и постелил темно-бордовую скатерть. Поставил канделябр с черными свечами, я и не знала, что такие бывают. Из чего они сделаны? Почему воск так потемнел? Мне неожиданно вспомнились истории о ведьмах, которых заживо сжигали на кострах посреди Праги… Не из этого ли пепла… А впрочем, нет, не хочу даже думать про такое! Это дьяволовы козни, оттого и горят свечи непривычным для глаза огнем, на них пляшет пламя свекольного цвета.

Рядом с подсвечником стоит серебряная бутылочка, а чуть поодаль, на подставке – портрет, написанный не слишком искусной рукой. Из грубых и торопливых мазков складывалось лицо молодой панночки, не сказать, чтобы очень красивой, но все же приятной. Пане Ладислав взял в руки маленькую рюмку и забормотал что-то про серу, соль и ртуть. То были не просто слова, а заклинание. Как только алхимик закончил говорить и выпил рюмку, в комнате закружился целый водоворот ледяных сквозняков. Откуда им взяться без волшебства, если все окна плотно закрыты, да и ночь душная, липкая, на улице ни ветерка. А в комнате уже целый вихрь, пыль поднялась столбом, и я… Я не выдержала… И…

МАРТИНА громко чихает.

МОРАВЕЦ *(грозно)*. Кто здесь?

МАРТИНА *(задохнувшись от ужаса)*. Вот теперь он точно меня прибьет… Поздно бежать! Узнал меня чертов магик.

МОРАВЕЦ *(уже спокойно)*. А, это ты… Входи, не бойся.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Похоже, он навеселе. Я давно заметила, что злые старики, когда наклюкаются, становятся плаксивыми и сусальными. Надо воспользоваться моментом, попытаться разговорить алхимика.

Я вошла и осмотрелась. С кем же он беседовал? Неужели с женщиной на портрете? Допился пане Ладислав, мерещится ему всякая муть.

МОРАВЕЦ *(обращаясь к портрету)*. А ведь ты еще вчера предсказывала, что она придет, да, Яринка? Этой девочке нужна моя помощь. Как считаешь, нужно раскрыть ей тайну?

МАРТИНА *(рассказывает)*. Он замолчал, будто прислушиваясь к ответу. Поманил меня длиннющим пальцем, я подошла поближе и успела заметить, как дева на портрете

кивнула. Матерь Божия, или мне чудится?!

Хватает МОРАВЦА за рукав.

Пане Ладислав, эта панночка на портрете… Она что же, живая?

МОРАВЕЦ *(с улыбкой)*. Почему ты так решила?

МАРТИНА *(смущаясь)*. Я видела много раз, как бабушка разговаривает со святыми угодниками. Смотрела на иконы и говорила без пауз, не ожидая ответа. А вы, как будто, слушаете, что вам отвечают.

МОРАВЕЦ*(наливая зелье из серебряной бутылочки)*. Выпей, Мартинка, и сама все увидишь, сама все услышишь…

МАРТИНА *(рассказывает)*. Я взяла протянутую рюмку, понюхала – вроде ничего страшного. Обычная мерунковица. Чуть мутноватая, но это оттого, что алхимик оставил на стекле отпечатки своих грязных пальцев.

Мне уже приходилось пить водку, зимой, прежде чем идти на рынок. Озябшими-то пальцами золотой из кармана не подцепишь. А мерунковица согревает изнутри и тепло это остается надолго. Пила я сразу три глотка, уж поболее, чем в этом наперстке… Хотя тут важно знать меру. Четвертый глоток уже путает мысли и заставляет вести себя слишком безрассудно. Кто выпьет четвертый, начинает верить в свою неуязвимость, а это – прямой путь в каталажку. Ладно, чего сейчас об этом вспоминать. На здоровье, пане Ладислав!

Пьет.

Ух! На этот раз тепла я не ощутила, наоборот, задохнулась от холода. Сотни ледяных иголок пронзили мое горло изнутри, казалось, сейчас эти сосульки проткнут кожу и проклюнутся наружу, я стану похожа на уродливую принцессу в жабо. Обернулась к алхимику, чтобы пожаловаться на морозное пойло, а он весь светится. Потерла глаза – сияние не исчезло. Не только вокруг головы, как у святых на образах, от всего тела старика отлетали голубовато-серые искры.

Посмотрела на портрет – и он лучится! Только свет не постоянный, а мерцающий: вспыхнет и погаснет, снова вспыхнет… Золотистый, теплый, не чета мрачным краскам, которыми девица нарисована.

МОРАВЕЦ *(улыбаясь)*. Видишь свет, Мартинка? Вот так наша душа выглядит.

МАРТИНА *(изумленно)*. Что, и у меня такая же?

МОРАВЕЦ *(приветливо)*. Твоя почище. Белая, с серебряными всполохами. Ничуть не изменилась с тех пор, как ты босоногой девчонкой прибегала ко мне за порошком от клопов.

МАРТИНА *(вспоминая)*. А ведь верно! Бабушка меня

посылала, с запиской… Вы что же, с тех пор меня запомнили? По вот этому свету?

МОРАВЕЦ *(все еще улыбаясь)*. Я всех помню. Кого раз увидел, из памяти уже нейдет. За столько лет так и не определился, дар это или проклятие.

МАРТИНА *(перебивает)*. А почему у панночки на портрете свет мерцает?

ПАНночка С ПОРТРЕТА*(тихо-тихо, голос звучит с небольшим эхом и звоном серебряных колокольчиков)*. Потому что я умерла…

МАРТИНА *(возбужденно)*. Вы слышали? Пане Ладислав, она и вправду говорит! Как же такое возможно? Если она… умерла…

МОРАВЕЦ *(тяжело вздыхая)*. Зелье, что ты выпила, позволяет услышать душу, которая умерла, но все еще не упорхнула на тот свет. Пока тело не опустили в могилу, душа летает над Прагой, подобно голубю, и если призвать ее, то непременно откликнется. Говорят они скупо, это трудно и больно…

МАРТИНА *(удивленно)*. Разве после смерти человека душа может болеть?

МОРАВЕЦ *(грустно)*. Почему же нет? Разве у тебя не болит душа временами?

МАРТИНА *(чуть раздражаясь)*. У меня и зуб иной раз болит. Но когда закопают мое тело, надеюсь, это прекратится.

МОРАВЕЦ*(задумчиво)*. Зуб… Зуб – он часть твоего тела, как железный прут – часть тюремной решетки. А душа в этой тюрьме – узница. Она если болит, то сама по себе. Э, да что тебе объяснять? Все равно ума не хватит, чтобы понять!

Пауза.

МАРТИНА*(осторожно)*. А панночка на портрете? Она что же, не погребенная?

МОРАВЕЦ *(понурившись)*. Этого в двух словах не расскажешь.

МАРТИНА *(уговаривает)*. А вы попробуйте, пане Ладислав… Вы ведь любили ее, да? И сейчас любите? Ой, смотрите, она кивнула. Она тоже просит вас во всем признаться. Снова кивнула, пане алхимик!

МОРАВЕЦ *(к портрету)*. Янинка, ты действительно хочешь, чтобы она все узнала? Будь по-твоему… *(к Мартине)* Слушай, девочка. Слушай… Много-много лет назад этот город обстреливали австрийские пушки. Я был молод и горяч, больше всего ценил свободу и потому с рассветом побежал на крепостную стену, чтобы защищать Прагу. Со мной были четверо верных друзей, моих соратников, моих братьев. Пять гордых орлов решили спасти родное гнездо силой своей магии! *(к портрету)* А

надо было спасать тебя, Янинка… *(снова к Мартине)* Мы с утра до ночи отбивали вражеские снаряды, они взрывались, не долетая до стен. Лишь одно ядро прорвалось через магическую защиту, и угодило точнехонько в наш дом! Вечером я нашел любимую под развалинами. В ней еле теплилась жизнь, доктор сказал, что осталось всего пару часов, вряд ли больше. Но я не мог отпустить Янинку. Сердце мое разрывалось на части, и я решил вернуть любимую при помощи магии. В кромешной тьме я написал ее портрет, и на рассвете, когда душа выпорхнула из тела, поймал в эту ловушку. Заключил внутри рамы из ясеня и клена.

МАРТИНА *(осторожно)*. Почему же вы ее до сих пор не воскресили?

МОРАВЕЦ *(убитым голосом)*. После тяжелого дня и кошмарной ночи, я уснул у смертного ложа Янины, обнимая этот портрет. Меня ждали на крепостной стене. Ждали братья-магики. Ждали тысячи людей… Но я не пришел. Пушки князя Виндишгреца в тот день били без промаха, и Прага пала. Я предал целый город, но это не самое страшное. Я предал Янину! Четверо «Богемских орлов» погибли в бою, а без их помощи я не сумел вернуть любимую к жизни. Более тридцати лет из кожи вон лезу, но вся моя магия бессильна. Лишь говорить с ней удается, благодаря этому зелью, и хочется говорить сутки напролет, но каждое слово причиняет такую боль… И ей, и мне…

МАРТИНА *(резко)*. Так освободите ее из портрета!

МОРАВЕЦ *(с болью в голосе)*. Да разве я не пытался? Портрет нельзя уничтожить – хоть режь его, хоть в огонь бросай. Янина будет заточена в нем до тех пор, пока я не умру, только после этого наши души соединятся в вечном покое.

Рыдает.

Когда-нибудь это произойдет, а пока ей приходится томиться в плену проклятой картины.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Мне стало искренне жаль этого пьяного старика. Когда пане Ладислав зарыдал, я подошла поближе и протянула ему платок. Он даже не взглянул. Я положила платок на стол, прямо перед портретом, а потом – сама не знаю, что на меня нашло, – погладила алхимика по голове. Провела рукой по волосам, спутанным в колтуны, и вздрогнула. Какой же он все-таки неряшливый! Стократно пожалела о внезапном порыве сострадания. Моравец почувствовал мое отвращение, но истолковал по-своему.

МОРАВЕЦ *(отбрасывая ее руку)*. Осуждаешь? Думаешь, мне стоило покончить с этой жизнью, чтобы освободить Янину?! Я сделал это в тот же момент… Схватил нож и приставил к груди. «Любимая! Если ты станешь свободна только после моей смерти,

то я убью себя немедленно!» Но портрет вспыхнул алым пламенем, а нож в моей руке рассыпался в пыль, будто его сотни лет пожирала ржавчина. Зазвучал ее голос…

ПАННОЧКА С ПОРТРЕТА *(издалека)*. «Твой срок еще не пришел! Ты не смог спасти город, но ты еще можешь спасти горожан. Им нужна твоя магия, твоя забота и поддержка. Не отказывай в помощи никому, с чем бы к тебе ни пришли. А я буду каждый день смотреть на тебя с портрета и благословлять на долгую жизнь».

МОРАВЕЦ *(подавлено)*. Она так и сказала в то проклятое утро. Я послушно распахнул свои двери для всех людей, но вскоре убедился, что этому городу нужна лишь черная магия. До сих пор помню, кто пришел первым. Вдова нашего прежнего бургомистра. Она умоляла вызвать его призрак, поскольку не успела наговориться с муженьком перед смертью. Я нашел душу пане Войтеха в загробном мире, затянул в хрустальный шар, а вдова завизжала: «Где ты спрятал деньги, паскуда?!» А когда тот лишь посмеялся в ответ, набросилась на меня: «Скажи, колдун, ты сможешь сделать ему больно? Пытай его! Выворачивай наизнанку, пока не признается. Я поделюсь с тобой золотом!» От ее ненависти хрустальный шар пошел трещинами и раскололся, а призрак бургомистра еще долго пугал людей на ратушной площади.

Вторым явился уродливый дворянин, умолял сварить приворотное зелье, чтобы против воли овладеть девицей. Третий просил яду, чтобы извести неугодных родственников…, *(к портрету)* Понимаешь, Янинка? Чтобы спасти этих людей, я в тот черный день оставил тебя… А после ты попросила защищать этих чудовищ! Я выполнял их жуткие просьбы день за днем. Я сам превратился в чудовище. Ждал, когда Бог покарает меня за все зло, что я помог совершить. Но смерть проходит мимо, все время мимо…

МАРТИНА *(рассказывает)*. Пане Ладислав положил голову на стол, будто это была колода на площади Святого Лаврентия, где казнили самых отъявленных душегубов. Закрыл глаза в ожидании жуткого свиста, с которым топор обрушивается на шею приговоренного… Я тихонько встала, чтобы уйти, но уже у самого порога споткнулась о небрежно брошенный сапог алхимика.

МОРАВЕЦ *(вскакивая)*. Кто здесь? А, это ты, Мартинка… Ты спрашивала, зачем ко мне приходила твоя сестра? Она хотела того же, чего и я. Свести счеты с жизнью.

МАРТИНА *(гневно)*. Что ты брешешь, магик! Зачем бы Эльжбете убивать себя?

МОРАВЕЦ *(спокойно)*. Потому что она не хотела убивать того,

другого.

МАРТИНА*(все еще в бешенстве)*. Другого? Какого еще другого? Говори толком!

МОРАВЕЦ*(оправдываясь)*. Да что тут добавить? Имени она не называла… Три месяца назад прибежала на закате, вся в слезах, в разорванном платье и с растрепанными волосами. Кричала, что устала отбиваться от домогательств этого негодяя, и что ей нужен яд. «Вы хотите убить докучливого поклонника?» – спросил я тогда. Она зарыдала пуще прежнего: «Нет, я не смогу взять такой грех на душу. Лучше самой умереть!»

МАРТИНА *(обескураженно)*. Но как же… Почему она ничего не сказала мне?

МОРАВЕЦ *(пожимая плечами)*. Не могу знать. Может, постыдилась. А может вы не так уж и ладили…

МАРТИНА *(рассказывает)*. Как в воду глядел, старый нетопырь! С тех пор, как бабушка умерла, мы с Эльжбетой часто ссорились. Характер ее поменялся с годами, из дерзкой насмешницы сестра превратилась в скучную святошу. Ее возмущало мое ремесло. Надо жить честным трудом, то да се… Что же мне прикажете, помогать этой малохольной чужое белье отстирывать? Дудки! Я хочу быть свободной, как ветер, и скоро моя мечта сбудется. К рассвету я покину Прагу навсегда, меня здесь больше ничего не держит.

Короткая пауза.

Вот разве что… Одна загадка не давала мне покоя. *(к Моравцу)*. Что было в том пузырьке из синего стекла? Яд?

МОРАВЕЦ *(с улыбкой)*. Нет-нет, я не давал твоей сестре смертельного зелья. Подкрасил воду лакричным корнем и продал ей за два золотых. Устал быть пособником убийств, давно уже не промышляю ядами. По мне, так лучше уж быть мошенником…

МАРТИНА *(выдохнула)*. Это верно, пане Ладислав. Значит, Эльжбету вы пожалели.

МОРАВЕЦ *(мрачно)*. Но вышло только хуже… На прошлой неделе Эльжбета снова приходила ко мне. Сказала: «Вы обманули меня! Я на свою беду осталась жива!» «Чем же вы недовольны?» «Я хотела умереть, чтобы не достаться этому извергу. Но вы лишили меня последней радости – умереть непорочной. Мучитель подстерег меня в переулке, за церковью святого Микулаша. Теперь мне необходимо другое зелье». Она хотела… *(к портрету)* Чего же она хотела, Янинка? Не помнишь? Да лучше тебе и не знать… Ты так переживаешь за людей… А они… *(к Мартине)* Прости, девочка, что обрушиваю это на тебя, но ты пришла за правдой, а правда жестока. Твоя сестра хотела совершить самое гнусное преступление… Поэтому я так

обрадовался, что она не стала пить ту настойку, а вылила в реку. Эльжбета умерла с чистой душой.

МАРТИНА *(затаив дыхание)*. Что это еще за гнусное преступление?

МОРАВЕЦ *(тихо)*. Погубить ребенка в своей утробе.

МАРТИНА *(изумленно)*. Что ты мелешь? Моя сестра была непорочной! Она не могла согрешить с мужчиной…

МОРАВЕЦ *(растерянно)*. Отчего же не могла? Поверь, это совсем не сложно. Все девицы это могут и все делают, рано или поздно. Скоро и ты подрастешь, и тебя…

Стук захлопнутой двери обрывает фразу.

Сцена четвертая

Ночная Прага. МАРТИНА бежит по улице.

МАРТИНА *(рассказывает).* Я выскочила из конуры алхимика, не дослушав его бредней. Бежала куда глаза глядят, а в голове все звучали его слова. «Поэтому я так обрадовался… Эльжбета умерла с чистой душой!» Обрадовался, кудлатый черт! Чему тут радоваться? Разве что… *(переходит на шаг)* Постой, постой. Нужно успокоиться, а то сердце колотится так сильно, что даже собственных мыслей не расслышать. Пожалуй, я даже присяду вот здесь, на ступеньках, чтобы отдышаться…

Короткая пауза.

Что, если алхимик меня обманул? Допустим, для какого-то черного ритуала ему потребовалась душа моей сестры. Зачем? Да кто же разберет, что у старого морокуна в голове. Может быть, чтобы освободить свою Янинку. Вдруг для этого нужно вместо ее души заточить в проклятом портрете душу безвинной жертвы. Или сотню. Или тысячу…

Где-то вдалеке воет собака.

А откуда алхимик так много знает о Големе? Что, если пане Ладислав – хозяин чудовища? Тогда все сходится. Он послал безглазого великана убить Эльжбету и сотни других людей. Или тысячи… Пожалуй, стоит побыстрее убираться из этого города. Не ровен час, моравец захочет науськать своего глиняного истукана и на меня. Хотя как чудовище возьмет след? У алхимика нет вещей, принадлежащих…

В отдалении слышатся тяжелые, размеренные шаги.

Платок! Я оставила платок на столе. Моравец, язви его душу, небось, нарочно притворялся, давил из глаз слезы, а сам тихонько посмеивался в кулак. Знал ведь заранее, что я приду. Янинка его предупредила. Вот и разыграл комедию… Ничего себе, угодила в переплет!

Звук шагов приближается.

Надо уходить.

Идет по улице.

Сейчас загляну домой, вытрясу все деньги из тайников – и сразу к Пороховым воротам. А там уж двинусь, куда глаза глядят.

Ускоряет шаг. Тяжелые шаги вдалеке тоже ускоряются.

Нет, плевать на деньги. Не стоит рисковать и терять время. В кармане осталась горсть медяков, а как закончится – еще украду. Ни секунды лишней в этом городе не останусь.

Пауза. Оглядывается.

А что там за тень? Господи! Неужели это… он? Нет, пожалуйста, только не он!

Бежит, уже не таясь. За спиной слышится топот бегущих ног.

Я петляла как заяц. На этих улочках мне часто приходилось скрываться от погони, поэтому каждую подворотню, каждый просвет между домами заучила наизусть. Но преследователь не отставал, в какой-то момент мне даже показалось, что он дышит мне в затылок. Только не оглядываться! Сколько ловкачей на этом погорело. Повернешь голову или скосишь глаза, вроде бы на мгновение, непременно споткнешься. Тут тебя и изловят. А я не дамся, слышишь? Голем ты или колдун, да хоть призрак бывшего бургомистра – не дамся! На Староместной площади, под фонарем, обычно коротают время полицейские. Лень им обходить темные кварталы, куда приятнее поболтать, выкурить сигарету или из фляжки глотнуть за компанию. Я была готова броситься к их ногам и покаяться во всех кражах. Пусть запрут хоть на десять лет, все лучше той судьбы, что бежит за мной по пятам.

Выбегает на площадь, сбивается с шага и ругается, задыхаясь.

Никого! Пустая площадь… Случалось ли такое еще хоть раз за все тысячу лет, что стоит Прага? Вряд ли. Опять магия? Я взглянула на орлой. Среди всех фигур, застывших по обе стороны циферблата, выделялась Смерть. Золотой скелет, отмеряющий срок жизни очередной жертвы. Сколько же мне осталось? Маленькая стрелка почти на двенадцати, большая подползает к десяти. Скоро полночь! Время Голема…

Останавливается, тяжело дышит.

Я оглянулась. Хотя и давала зарок не делать этого, но тут против воли повернула голову. Кривобокая тень выползала из переулка, размахивая непомерно длинными ручищами. Уже так близко? Я задохнулась от ужаса и шарахнулась в первый попавшийся переулок, не разбирая, куда бегу. Стучалась в каждую дверь, хотя и понимала – бесполезно, никто не откроет. Темно в домах. Единственное освещенное окно на всю улицу, но и там задули свечу, как только услышали мой истеричный крик.

Стук каблуков, стук в двери и крик «Спасите! За мной гонится Голем!»

Вся Прага затаилась под одеялами, молится, чтобы беда прошла стороной. Наутро горожане убедят себя, что жестокая расправа над девчонкой привиделась им в кошмарном сне. Даже те, под чьими окнами найдут мое мертвое тело, будут врать, что не слышали ни единого шороха, иначе, безусловно, поспешили бы на помощь.

Я шарахалась от каждой тени, что скакали по крышам и заборам. Казалось, что из глиняных стен вытягиваются огромные

руки, чтобы заграбастать меня. Бежала уже на последнем дыхании. Запнулась о булыжник и чуть не растянулась на мостовой. Неожиданно в моей голове зазвучал голос: «Не оглядывайся! Смотри под ноги, тогда доберешься до дома невредимой!» Голос звучал издалека, но напомнил мне голос погибшей сестры. Почему я слышу ее? Неужели ледяное зелье по-прежнему действует? Душа Эльжбеты, еще неупокоенная, летает рядом со мной? Конечно! Это она подтолкнула ко мне мальчишку с пузырьком. Потом вовремя привела меня к дому алхимика. А теперь спасает от смерти, подсказывает верный путь. Ангелы ведь хранят людей… Даже таких никчемных, как я.

Звук шагов замедляется.

Вот только хватит ли сил, чтобы добраться до дома? Вряд ли. До нашей улицы еще три поворота, а я не смогу больше сделать ни единого шага. Что же делать? Что делать? Что…

Возня и скрип дерева.

Я забилась под сломанную телегу, без колеса. Зажала рот ладонью, чтобы удержать дыхание. Казалось, в нахлынувшей тишине нет других звуков, кроме стука моего сердца. Но вот появился новый звук, страшный и вместе с тем донельзя противный. Будто кто-то шагал по болоту в огромных сапогах. Вытаскивал ногу с чавканьем, стряхивал ошметки и погружал снова. Вытаскивал другую и все повторялось… В голове опять зазвучал голос сестры, уже не ангельский, нет, а тот далекий, насмешливый.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(глумливо, нараспев)*. Голем бродит за рекой, он безглазый и немой…

МАРТИНА *(рассказывает)*. Я зажала уши руками, но все равно продолжала слышать.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(страшным шепотом)*. Полночь часики пробьют, и Мартиночку убьют!

МАРТИНА *(рассказывает)*. Потом все стихло. Я боялась выглянуть из-под телеги, забилась в самый дальний угол, а воображение рисовало злобного великана из глины, которая тускло поблескивает и стекает на мостовую вязкими каплями. Он стоит на углу и высматривает, куда я свернула на перекрестке. Нет! У Голема нет глаз. Он принюхивается, как смердящий пес. Приближается медленно, шаг за шагом… Я слышу сопение. Уже совсем близко. Исполинское тело закрыло свет луны, нагнулось к земле… Сейчас поднимет телегу – легко, как подушку, набитую гусиным пером. Увидит меня, скорчившуюся от ужаса. Нет, не увидит. Почует. Безжалостно припечатает своей ножищей к булыжникам мостовой…

Скрип телеги.

Мысленно я возносила молитвы всем, кого знала на небе. Господь-Вседержитель, Матерь Божия, бабушка и ты, Эльжбета. Уберегите от лютой смерти. Клянусь, что никогда больше не украду, не обману, не позавидую… Только уберегите меня от Голема! Я молилась, но голоса сестры больше не слышала. Вообще ничего не слышала. Кажется, я совсем забыла дышать, и даже сердце остановилось…

Бой пражского орлоя.

Вдалеке на ратушной башне часы пробили полночь. Я закусила палец до боли, чтобы не закричать и не грохнуться в обморок. Под телегу пробились робкие лучи лунного света – ничего более прекрасного я в жизни не видела. Тень двинулась дальше, вниз по улице. Неужели молитва сработала? Я по-прежнему не шевелилась. Боялась поверить своему счастью. Считала удары. Восемь. Я готова просидеть здесь до самого утра. Девять. Да хоть бы и до послезавтрашнего вечера. Десять. Окоченею под утро, заболею и слягу в лихорадке – пусть. Одиннадцать. Только бы Голем не повернул обратно.

Звук двенадцатого удара. Дальше – тишина.

Наступившая тишина оглушила меня. На всей улице не слышалось ни скрипа, ни шороха. Я выжидала, не двигаясь с места, но какая-то неумолимая сила подталкивала меня выглянуть, убедиться, что чудовище прошло мимо. Казалось, если не сделаю этого, то сойду с ума. Я осторожно выползла из-под телеги, прижимаясь к шершавой стене. Посмотрела вслед Голему и не увидела ничего. А через миг почувствовала, как к моему затылку прикоснулась влажная рука…

Крик ужаса.

Действие третье

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежд и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ*(официально)*. По вполне понятным причинам свидетельница Мартина Бржезова для нашего дальнейшего расследования не представляет интереса. Вызываю Томаша Воржишека, помощника следователя по особо важным делам. Вы здесь?

ВОРЖИШЕК *(угодливо)*. Так точно, ваша светлость!

ГОЛОС ПРАГИ *(с едва уловимой иронией)*. Светлость? Вы меня с кем-то путаете. Ничего светлого во мне нет осталось. Последние семьсот лет я предпочитаю темноту, или, в исключительном случае, вечерние сумерки. А вы?

ВОРЖИШЕК *(растерянно)*. Не понял вопроса, ваша милость.

ГОЛОС ПРАГИ *(насмешливо)*. Милость? Нет, Томаш. Никаких милостей от меня не дождетесь. Вы явно не понимаете, где находитесь, а впрочем, это не важно. Скажите, вы помните, что происходило в тот день…

ВОРЖИШЕК *(деловым тоном)*. 18 июля 1883 года? Конечно, помню. У меня ведь каждый шаг записан (шелестит страницами блокнота), самый подробный протокол, ваша… *(запинается, дальше чуть испугано)* Но я и без протокола помню. Разве такое забудешь…

Улица, раннее утро. Шум небольшой толпы зевак.

Я ведь в ту ночь мечтал выспаться… Хотя бы раз за этот проклятущий месяц, с его беспокойными ночами, когда ворочаешься и задыхаешься от духоты, из открытого окна – ни ветерка. В аду и то, пожалуй, приятнее находиться, чем в Праге в середине июня. Пока уснешь – семь потов сойдет, но это еще пол беды… Стоит забыться тревожным сном в липких простынях, как за окнами вдруг грохочет канонада – и на тебе, гроза! Шумит дождем, сверкает молниями. С улицы тянет холодом, хочешь-не хочешь, но встанешь и закроешь окошко. Все, панове. Встал – пропал! Потом до рассвета глаз не сомкнуть. Под утро дождь кончится, дремота накатит, радуешься – вот оно, хоть пару снов за хвост ухватишь… Как бы не так! Ломятся в двери: «Пане Томаш, поспешите на Анненскую улицу. Там такое!» Такое, ишь ты! Нравится вам просыпаться от подобных бредней? Какое – такое? «Ой, поспешите, сами увидите!»

Поспешил, конечно. Прихожу в чертов закоулок, а там телега со сломанным колесом. Из-под телеги торчит нога. Труп, значится. Был бы кто живой, послали бы за доктором, а не за

мной. Зевак вокруг – толпа. «Чего стоите?» – говорю. – «Откатите телегу, хоть поглядим, кто это». Откатили. Лежит воровка давешняя. Нагнулся к ней – кошмар, панове. Будто я все еще не проснулся, и вся эта жуть мерещится. Хорошо бы так… Я даже ущипнул себя тайком, чтоб зеваки не заметили. Нет, не сон…

Жалко Мартину, хоть щека от ее удара до сих пор побаливает, но такой жуткой участи девка не заслужила. Затылок разбит, все тело в крови. Я не настолько опытный следователь, как пане Доминик, но сообразил: убийца в ярости колотил воровку головой о стены – вон, справа пятно и слева два. Потом несколько раз приложил о камни мостовой, но эти следы смыл дождь… Он бы и девчонку очистил, да Голем бросил труп под телегу. В том, что это Голем сомнений нет. Рот покойницы заполнен глиной…

По всему выходит, тот же убийца, что и сестру ее придушил. Готов в том поклясться, панове, хотя старший следователь по особо важным делам в чудовище не верит.

Я как раз закончил осмотр и накрыл тело старой рогожей с телеги, когда подкатил пане Доминик на извозчике. Ох уж эти пражские штучки! У нас в Голешовице люди пешком ходят и везде успевают. А этот в коляске ездит, но все равно опаздывает.

КУЧЕРА *(сонно)*. Что здесь, Томаш? Описание готово?

ВОРЖИШЕК *(ворчливо)*. А чего тут описывать. Смотрите сами.

Короткая пауза, шумный вдох.

Приподнял я край рогожи, пане Доминик закрыл нос платком и отвернулся. Тошноту сдерживает. Сразу видно, позавтракал наспех, торопился. Так-то он за свою карьеру всякого навидался и трупами его не напугаешь. Но тут замутило… А может, просто пожалел девчонку. Она под этой рогожей выглядит совсем как дитя малое, ручки тоненькие, плечи костлявые, жить и жить бы егозе… Да не судьба. Погибла в двух шагах от дома…

Короткая пауза, слышен шум города.

Зря я ее вчера одну отпустил по городу бегать. Надо было проводить, но ведь окрысилась, чертовка.

КУЧЕРА *(удивленно)*. Вы что же, виделись?

ВОРЖИШЕК *(торопливо)*. Да прибегала она в участок. Нашла в вещах сестры синий пузырек с печатью алхимика, пане Ладислава. Знаете? Последний из «Богемских орлов». Пошли мы к нему, ничего толком не выяснили, на обратном пути поругались с девкой, она и убежала.

КУЧЕРА *(подозрительно)*. А чего поругались?

ВОРЖИШЕК *(уклончиво)*. Да не то, чтобы прямо поругались… Я это… Сказал, что ее сестра могла с алхимиком шуры-муры

крутить. А Мартинка мне по мордасам… Ну и убежала.

КУЧЕРА *(еще более подозрительно)*. Чего же ты за ней не пошел?

ВОРЖИШЕК *(оправдываясь)*. Я пошел. Смотрю, воровка к пане Ладиславу вернулась. Ну, я подумал, может кровь решила продать. А это дело полиции не касается. Потому и ушел домой.

КУЧЕРА *(недоверчиво)*. Кровь продать? Что за бред! На что алхимику сдалась ее кровь?

ВОРЖИШЕК *(уверенно)*. Знамо дело, на что. Зелья варить. У нас в Голешовице жил один знахарь, так он рассказывал, что за кровь девственницы алхимики платят охотно. Зелье из нее варят, которое на свинец капнешь, и он тут же превращается в золото. Но сейчас девку непорченую днем с огнем не отыскать. Потому и золота мало стало…

КУЧЕРА *(сокрушенно)*. Тупица! Оставь свои деревенские сказки, Томаш. Покажи, что там за пузырек.

ВОРЖИШЕК *(испуганно)*. Пузырек… Какой пузырек?

КУЧЕРА *(раздражаясь)*. Который нашла убитая.

ВОРЖИШЕК *(оправдываясь)*. Э-м… Пузырек? А я его… *(сбивчиво)* Он же пустой оказался, пане Доминик, а с пустого пузырька какая польза?! Было б там что внутри, а так…

КУЧЕРА *(злобно)*. Пузырек – это улика. Где он? Я хочу его видеть!

ВОРЖИШЕК *(вздыхая)*. Остался у алхимика.

КУЧЕРА *(зверея)*. Что? Повтори, что ты сказал!

ВОРЖИШЕК *(закрывая голову руками)*. Я подумал, что нам эта склянка не пригодится и оставил ее у пане Ладислава.

КУЧЕРА *(сквозь зубы, с ненавистью)*. Погибла Прага… Уйду я на покой, а город оставлю на таких идиотов, как ты, Томаш. Тут всему и конец… *(размышляет вслух)*. Пузырек тот мог подсказать, кто убийца, а теперь улика пропала. Алхимик, наверняка, вымыл его начисто, чтоб даже запаха не осталось, поставил к остальным подобным пузырькам. Теперь не отличишь, который был у Эльжбеты. И все потому, что один безмозглый полицейский отважился подумать. Не смей думать, Томаш! Никогда, слышишь? Прежде всего, спроси у меня, а уж я подумаю…

ВОРЖИШЕК *(покаянно)*. Как прикажете, пане Доминик. А только я думаю… То есть, я знаю, что алхимик еще ничего не вымыл. Он тот еще грязнуля. Давайте нагрянем к нему и отберем улику. Я тот пузырек отличу от сотен других, не сомневайтесь!

КУЧЕРА *(все еще раздраженно)*. Уверен? Ладно, поехали, разбудим старого беса. Заодно расспросим, о чем он с покойницей вчера беседовал.

Карета едет по улице. Кнут кучера, ржание, стук копыт.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Ну да, как же. Расспросишь ты его! Удрал алхимик. Побросал все свои пожитки и был таков. Соседей опросили, не видел ли кто старого чародея. Видели, конечно. Говорят, ровно в полночь выскочил пане Ладислав из дома, прижимая к груди какую-то картину. Побежал к мосту через Влтаву. Пошел я на ту сторону реки, поискать свидетелей, которые подскажут, куда Моравец направился. Но алхимик с моста не спускался – то ли в воду канул, то ли в тумане растворился. Магия, будь она неладна… Хотя знаете, что я думаю? Может быть, от людских глаз он и скрылся, да только сама Прага постоянно следит за каждым из нас, выбирая, кто хороший, кто плохой. А после воздает по заслугам…

И тут меня осенило! *(к Кучере, возбужденно)* Пане Доминик! А ведь алхимик вчера подтвердил, что Голем не сам выбирает жертву. Его направляет хозяин. Тот, кто вкладывает в глиняную башку записку с магическими словами. И я подумал…

КУЧЕРА*(задумчиво)*. Вот бы и мне так! Вложить в твою пустую голову пусть не волшебные слова, а хотя бы одну простую мысль: не думай, Томаш! Не твое это.

ВОРЖИШЕК *(упрямо)*. Да вы дослушайте сперва, что я сказать хочу! А что если пане Ладислав натравил свое чудище на Мартинку, а сам сбежал, чтоб на него подозрение не пало? Сходится, все сходится!

КУЧЕРА *(сокрушенно)*. Не сходится, Томаш! Ты просто еще не знаешь, но минувшей ночью Голем совершил еще одно убийство *(с нажимом),* и я думаю, что ни алхимик, ни уличная воровка, к тому преступлению никакого отношения не имеют.

Сцена вторая

Гостиница. Скрипучая лестница, потом комната графа Гурьева.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Слыхали, какая история?! Я чуть из коляски не выпал, пока пане Доминик рассказывал. Оказывается, прошлой ночью Голем задушил русского дворянина, графа Гурьева. Тот отдыхал в Карлсбаде с любовницей, приехал в Прагу и решил переночевать в гостинице на Вышеградской стороне. Там его и нашли. Вызвали следователя по особо важным делам, а он уже за мной заехал. Без помощника при осмотре места преступления никак. Кто будет протокол вести? Кто сбегает за тем да за этим? На кого орать, в случае досадной заминки? Вот то-то и оно. Без Томаша никуда…

Мы поднимались по узкой и скрипучей лестнице в гостинице. Портье показывал дорогу, а заодно и трещал без умолку о том, как обнаружил жертву преступления.

ГУСТАВ *(сбивчиво, на ходу)*. …Все потому, что граф приехал пьяным. Не в смысле выпившим, а в смысле – вдрызг. На ногах еле держался, идти не мог. Бормотал что-то невнятное. Я разобрал, что он желает лучшую комнату, а лучшие у нас на четвертом этаже, под самой крышей. Как прикажете затащить его наверх? Пришлось кликнуть коридорных, они парни крепкие, сундуки таскать приучены. Занесли графа в комнату, да и положили на кровать – как был, в мундире, со всеми орденами. Раздевать не стали, это обещала сделать его спутница. Ну как спутница… Не просто так же граф номер с одной кроватью потребовал. Сами понимаете…

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Все это не имеет отношения к расследованию! Как тело обнаружили?

ГУСТАВ *(обиженно)*. Так я же и объясняю. Вечно обрывают, а потом переспрашивают… Граф, говорю, мертвецки пьяный. Как уложили его на кровать, сразу захрапел. Полюбовница, тоже изрядно наклюкавшаяся, присела рядом, чтобы пуговицы на его мундире расстегнуть. И тоже отрубилась! Пала на грудь графа, поверх орденов, уснула. Спозаранку для графа принесли записку из русского посольства, курьер оказался дотошным, потребовал немедленного ответа. Поднялись мы с ним наверх, стучались в дверь – бесполезно. Я заглянул в замочную скважину – лежат, голубки, в той же позе, в какой вечером их оставил. Достал свой ключ, чтобы отпереть, а дверь-то открытая…

КУЧЕРА *(внимательно)*. А вы с вечера запирали замок?

ГУСТАВ*(возмущенно)*. Несомненно! Всегда так делаю, когда имею дело с пьяными постояльцами. Ведь иначе забредет к ним кто чужой, ограбит, а отвечать потом кто будет? Густав? Нет, спасибо, мне неприятности ни к чему!

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Дальше, дальше! Вы слишком многословны, пане Густав. Давайте коротко и по делу: что было дальше?

ГУСТАВ *(обиженно)*. То подробностей хотят, то рот затыкают… Извольте, коротко. Я вошел в комнату, увидел труп и послал коридорного за полицейскими.

КУЧЕРА *(в гневе)*. Вы издеваетесь?

ГУСТАВ *(делая вид, что не понимает)*. Но вы же сами просили… *(примирительно)* Все, все. Понимаю, вы хотите не настолько коротко, а чуть подлиннее. Но при этом не настолько длинно…

КУЧЕРА *(яростно шипит)*. Прекращайте этот балаган, не то я сброшу вас с лестницы!

ГУСТАВ *(коротко)*. Итак, я вошел в комнату. Следом за мной сунулся посланник от князя. Эти русские такие бесцеремонные… Вместе мы подошли к кровати. Граф Гурьев лежал на спине, с закрытыми глазами. Не дышал, да и не смог бы – рот и нос были залеплены глиной. Будто кто-то положил ему на лицо гигантскую ладонь из глины, вдавил в матрац и держал так, пока граф не окочурился.

КУЧЕРА *(довольно потирая руки)*. Вот, это почерк Голема. Он убивает именно так – без крови, без шума, без… Кстати, насчет шума. Любовница графа не проснулась в момент жестокой расправы? Может быть, видела убийцу? Что она говорит?

ГУСТАВ *(язвительно)*. Куда там! Мы и сейчас не можем ее добудиться.

ВОРЖИШЕК *(удивленно)*. Она что же, проспала убийство? Даже не вздрогнула?

ГУСТАВ *(еще более язвительно)*. Крепка, видать, русская водка. Сам я никогда не пробовал, да теперь и не отважусь, наверное. После таких-то событий… Проходите, панове, это здесь. Если понадоблюсь, я внизу, за конторкой. Сами понимаете, остальные постояльцы пока еще живы и ежеминутно требуют то одно, то другое…

Уходит, скрипя ступенями лестницы.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Если у них лучшая комната такая тесная, то не хотел бы я побывать в худшей. Потолок низкий, а его зачем-то лепниной украсили. Хотели роскоши добавить, но все эти завитушки потемнели от пыли, и кажутся огромными пауками, притаившимися в углах. За открытым окном

большой карниз для цветочных горшков, торчат из них чахлые стебельки, поди, угадай – что за ерунда. Впрочем, некогда! Тут интересней загадка имеется: кто удавил русского графа?

Мертвец лежал поперек кровати, ноги в начищенных до блеска сапогах свешивались и чуть не доставали до пола. Невысокого росточка был пане Гурьев при жизни, зато любовница у него длинноногая, смуглявая, лет двадцати, пожалуй. Аппетитная… Сил нет, как хочется за бочок ущипнуть! Хотел бы я сейчас оказаться на месте графа… Не в смысле помереть, конечно. Но вот чтобы эта краля так же сладко посапывала у меня на груди – это да, это с превеликим удовольствием. Хотя, удивительно, конечно… *(к Кучере, удивленно)* Она что же, и вправду не проснулась? Вот закавыка. Мурлычет во сне, и даже не подозревает, что ее мил-дружок уже не дышит.

КУЧЕРА *(с прищуром)*. Странная история.

ВОРЖИШЕК *(подхватывает)*. Согласен с вашим мнением, пане Доминик. Сюда притопал глиняный великан, прихлопнул ее любовника, как букашку, а девка даже век не разлепила. Мне кажется, если Голем войдет в комнату, то каким бы пьяным ты не был, мигом протрезвеешь.

МАРМЕЛАДОВ *(иронично)*. Если бы да кабы, во рту у графа выросли бы грибы. Но там только глина, панове.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает с нарастающим удивлением)*. Из кресла в углу поднялся незнакомец. Прежде мы его не замечали, а теперь разглядели. Не сказать, чтоб высокий, но повыше среднего уж будет. Хотя с этими потолками, все пропорции сбились. Для карликов их делают, что ли? А впрочем, в бесову задницу потолки, и карликов туда же. Возрастом незнакомец приближался к сорока годам, это уж поверьте на слово, на возраст у меня глаз наметан. Как бы ни молодились некоторые мышастые жеребчики, но я-то их насквозь вижу… Что еще сказать об этом пане? Одет с иголочки, костюм синий с искрой, цилиндр в руке – не немецкий, с широкими полями. Значит, не немец. Но говорит с акцентом. Глаза колючие, насмешливые, да и в голосе звучит язвительная нотка.

МАРМЕЛАДОВ *(все так же иронично)*. К тому же я сомневаюсь, что глиняный исполин мог бы войти в эту комнату. Дверь здесь узкая, потолки низкие. Великан бы тут все сокрушил в щепки. А представьте, сколько должен весить этот ваш Голем, такого не выдержит хлипкая лестница, что ведет на четвертый этаж. Вы ведь заметили? До третьего этажа она чугунная, а после – деревянная. Скрипит и шатается даже под моими ногами, что уж говорить о Големе.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Я хотел возразить незнакомцу,

гордясь своей причастностью к тайнам, раскрытым давеча алхимиком. Этот франт не знает, что Голем может запросто выйти из стены, или высунуться по пояс, или даже просто протянуть гигантскую лапищу, чтобы обрушить на грешника… Я начал возражать, набрал побольше воздуха в грудь, но тут, на вдохе, меня пронзила одна мысль… Хоть пане Доминик и велит не задумываться, но тут меня как громом поразило: а почему, собственно, улыбчивого незнакомца допустили в комнату, где совершено преступление? Кто это вообще такой? Последний вопрос я не постеснялся высказать вслух.*(к Кучере, шепотом)*. Кто это, пане Доминик?

КУЧЕРА *(сердитым шепотом)*. Наша головная боль! Русский сыщик. Родион Романович Мармеладов. Меня предупредили, что он появится. Этот тип обожает загадки и умеет распутывать самые сложные дела. В Москве и Петербурге расследовал преступления, в которых перемешались магия, мистика и прочая чертовщина. Даже, как говорят, предотвратил покушение на императора. С утра к бургомистру нагрянул князь Салтыков из русского посольства. Потребовал, чтобы этот тип принял участие в расследовании убийства графа Гурьева. Не доверяют нам братья славяне, вот и подослали… надзирателя…

ВОРЖИШЕК *(удивленно)*. Он что же, успел приехать из России?

КУЧЕРА *(сердито)*. Нет, он путешествует по Европе и по чистой случайности уже второй месяц гостит в Праге.

ВОРЖИШЕК *(с осторожным восторгом)*. Повезло!

КУЧЕРА *(ворчливо)*. Да уж, повезло… Два убийства за ночь, да еще и соглядатай этот… Язви его душу!

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Старикан бурчал себе под нос еще долго, а мне понравился русский сыскарь. Он не стал осматривать тело убитого графа, оставил эту сомнительную привилегию пане Доминику. Сам же снова уселся в кресло и прикрыл глаза, будто задремал. Но я-то видел, что пане Родион поглядывает из-под ресниц, и улыбается одними уголками губ.

КУЧЕРА *(диктует)*. Записывай, Томаш. Граф Гурьев умер от удушения. На его лицо положили лепешку из глины… Из влажной глины, судя по тому, как испачканы усы… Сверху придавили подушкой, на ней остался приметный след… Это чтоб никто не слышал, как мычит жертва. Душил мужчина, женщине не под силу давить так сильно… Граф пытался глубоко вдохнуть, но от этого рот его лишь еще больше забивался глиной, да и ноздри тоже… Да, это точно Голем. Удачно выбрал момент. Русский не сопротивлялся, он был пьян донельзя. Как и эта… *(раздраженно, к Воржишеку)*. Чего ты там строчишь в

блокноте?! Разбуди девицу.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Легко сказать. Если Голем не сумел, то где уж мне. Но приказы пане Доминика лучше не обсуждать, иначе хлопот не оберешься. Потрепал я девку по плечу, за ухо подергал, за волосы – ничего не помогает. Пощечину влепил – нет реакции. Замахнулся посильнее, но русский сыщик удержал мою руку.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Это вряд ли поможет. Но я знаю секретную фразу, которая непременно проникнет даже в самое затуманенное сознание. Позвольте, это нужно сказать на ушко… Хотя, в нынешних обстоятельствах, надежнее крикнуть… *(наклоняется к уху девушки, громко)*. Виктория, проснись, скорее! Сюда идет графиня!

КУЧЕРА *(напряженно)*. Что вы сказали? Не понял. Это было по-русски?

МАРМЕЛАДОВ *(с улыбкой)*. Я сказал любовнице графа, что их застукали, и сюда вот-вот ворвется законная супруга. Мозг прелюбодеев так устроен, что и в моменты наслаждения, и в угаре страстей, и в Москве, и на чужбине – всегда и везде, они боятся быть пойманными. Крошечное зернышко в их сознании постоянно начеку, не отключается ни на секунду, даже во время глубокого загула. Сейчас инстинкт самосохранения этой барышни бьет тревогу… Видите, она встрепенулась. Еще несколько секунд… Поверьте, тайный страх разбудит ее вернее, чем удары по лицу.

ВИКТОРИЯ *(вяло)*. А? Что? *(испуганно)* Г-г-гос-с-споди… Графиня!

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Что и требовалось доказать.

ВИКТОРИЯ *(вскакивая, нервно)*. Анатоль! Твоя жена нас выследила! Просыпайся скорее! *(тормошит тело графа)* Просыпайся! *(оглядывает себя)* Слава Богу, я одета… А где графиня? Приснилось мне, что ли? *(оглядывает комнату)* А это еще кто? Господа, кто… *(зевает)* Кто вы и за каким чертом приперлись?

ВОРЖИШЕК *(изумленно)*. Вы и вправду пролежали неподвижно всю ночь?

ВИКТОРИЯ *(сонно)*. Вправду? Наверное. Да откуда же мне знать, сударь? Я же напилась, как порося, и ничего не помню.

КУЧЕРА *(подозрительно)*. Это что же… Вы не почувствовали, как некто пробрался в комнату и задушил графа? Убийца орудовал бок о бок с вами, вот здесь стоял, а вы ничего не видели?

ВИКТОРИЯ *(к графу)*. Анатоль, прогони их. Этот тощий мне не нравится. Несет какую-то галиматью, будто ты

мертвый… *(тормошит тело графа)* Анатоль… *(заглядывает в лицо покойника, шепотом)* Анатоль? Ты что же… Нет, не может… Не может быть! *(падает на подушку и истерично рыдает, но вскоре причитания переходят в похрапывание).*

ВОРЖИШЕК *(изумленно)*. Она что, опять уснула? Ох, дела…

КУЧЕРА *(брезгливо)*. Пьяная курица! Мы ничего не добьемся, пока она не протрезвеет… *(к Воржишеку)* Вот что, Томаш, позовика с улицы одного из наших топтунов. Пусть караулит девицу. А пока будешь бегать, пришли к нам портье. Задам ему пару вопросов.

ВОРЖИШЕК убегает, хлопая дверью, слышны торопливые шаги по ступенькам.

КУЧЕРА *(подозрительно)*. Я не понял, что вы сказали по-русски, пане Родион. Но отчетливо слышал имя – Виктория. Вы что же, знакомы с этой девицей? Или с покойным?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Не имел чести быть представленным кому-то из них. Но когда поднимался сюда, спросил у портье имена постояльцев. Он ведет записи довольно строго, потому и отметил, что вчера заселились граф Анатолий Андреевич Гурьев и его спутница, Виктория Михайловна. Я стараюсь запоминать имена. Это не трудно, и частенько может пригодиться. Вот как сейчас.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Но как вы вообще узнали, что именно в этой гостинице убили графа? Вы оказались здесь прежде представителей закона.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Надеюсь, вы не обиделись? Дело в том, что я гостил у князя Салтыкова, когда к нему прибежал взбудораженный посыльный с криками: «Беда, Ваша светлость! Убили Гурьева!» Князь побледнел и схватился за сердце. У них с графом была назначена встреча по какому-то важному государственному вопросу, я, признаться, не вникал, мне не интересны государственные вопросы… Допросив слугу, Его светлость отправился к бургомистру, требовать, чтобы убийством занялся лучший следователь Праги. А меня попросил навестить убитого Гурьева и убедиться, что его смерть не является частью очередного заговора против российской короны.

КУЧЕРА *(пропустив последние слова мимо ушей)*. Лучший следователь Праги… Хм-м… Пане Родион, вы осмотрели здесь все уголки прежде нас. Нашли что-нибудь занимательное?

МАРМЕЛАДОВ *(скучным голосом)*. Занимательнее Голема? А это возможно?

КУЧЕРА *(строго)*. Не шутите о том, чего не понимаете…

На лестнице шум, хлопают двери. Входят ВОРЖИШЕК и ГУСТАВ.

ВОРЖИШЕК *(запыхавшись)*. Доставил, пане Доминик. Портье идти не хотел, пришлось за шкирку тащить. А полицейских в округе не видно. Но я за девкой сам послежу, не волнуйтесь. Уж не вырвется!

КУЧЕРА *(к портье)*. Не хотели идти, пане Густав? Вот как? Отчего же это?

ГУСТАВ *(шмыгая носом)*. Мне неприятности не нужны, пане следователь.

КУЧЕРА *(с прищуром)*. А почему вы решили, что у вас будут неприятности?

ГУСТАВ *(на грани истерики)*. Будто я не догадываюсь, чем закончится наш разговор. Вы припомните мои слова о том, что дверь в номер была открыта. Обвините меня в том, что я вечером забыл повернуть ключ в замке, а из-за этого графа и убили. Уведут меня в цепях, а потом, глядишь и казнят. Потому что вам нужен виноватый, а Голема вы поймать все одно не сумеете.

КУЧЕРА *(злобно)*. Ну-ка цыц! *(пауза, поспокойнее)* А с чего вы решили, пане Густав, что я не сумею поймать Голема?

ГУСТАВ *(судорожно)*. Потому что вы, чехи, с самого детства пред ним дрожите… Голем, Голем, Голем! Увидите великана – сердце в пятки упадет.

КУЧЕРА *(запальчиво)*. А вы, немцы, ничего не боитесь?

ГУСТАВ *(всхлипывает)*. Боимся, но совсем другого. Мы боимся, что завтра чехи опять взбунтуются, а когда император пришлет войско с пушками, наши дома разнесут по кирпичику. Станет каратель разбираться, кого по темечку бьет – чеха или немца – если шипастая палица уже занесена?! Прага жила бы гораздо спокойнее, усмири вы свой пыл. Но нет! Вам все неймется…*(снова всхлипывает)* В меня зачем-то вцепились. Но я запер эту проклятую дверь. Запер, понимаете?! Спокойно спустился в свою каморку под лестницей и лег спать. Не знаю ничего об убийстве этого пьяного коротышки. И что же? Разве вас это остановит? Нет. Все одно потащите меня в тюрьму. Потому что немец, а немца никому не жалко…

Рыдает.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Зарыдал пане Густав. Глаза кулаками тер минут пять, но слезы у него по щекам так и не потекли. Злят меня такие притворщики, откровенно скажу, и не будь здесь лишних свидетелей, уж я бы наградил поганца оплеухой. Как бы намекнуть русскому сыскарю, чтобы вышел на пару минут? А то сидел себе в кресле, сидел, делал вид, что дремлет, но в самый неподходящий момент надумал вмешаться в беседу.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Пане Густав, объясните, почему

вас не пугает ночной визит Голема? Ладно, сами вы не верите в пражские легенды, но вдруг в городе узнают, что у вас тут случилось мистическое убийство… От вас все постояльцы разбегутся, придется гостиницу закрывать.

ГУСТАВ *(сразу меняя тон на деловой)*. Да что вы понимаете в нашем деле?! Знаете, из чего сложен этот дом? Из надгробных плит таборитов. Четыреста лет назад, когда их войско разбили наголову крестоносцы, всех «чешских братьев» похоронили в чужих могилах. Чтобы не осквернили захватчики. Но нашелся предатель и раскрыл список рыцарям. Наутро они должны были прискакать на кладбище и пронзить своими копьями могилы, а потом сжечь тела отважных воинов на потеху своему императору. Жители Праги не допустили позора, ночью забрали все камни с тех могил и растащили по подвалам и складам. На следующий день прискакали рыцари, а надгробий нет.

МАРМЕЛАДОВ *(пожимая плечами)*. И что помешало им раскопать те могилы, где не осталось надгробий? Это столь же явная подсказка, как и список предателя.

ГУСТАВ *(кивая)*. Верно, так они и сделали. Костры пылали столь жаркие, что птицы падали замертво, с обугленными перьями. А год спустя из тех надгробий построили эту гостиницу.

КУЧЕРА *(резко)*. Вы потчуете нас старинными байками! При чем тут надгробные плиты?

ГУСТАВ *(горделиво)*. При том, что мы делаем деньги на призраках. В Праге чем страшнее, тем лучше. Если пойдет слух, что у нас задушили русского графа, не будет отбоя от желающих провести ночь в той самой кровати. Люди так устроены, ужас будоражит кровь и заставляет почувствовать себя более живым. Ну, вы понимаете. Не в одиночку же они будут ложиться в эту постельку… А если рассказать, что убийство совершил Голем, то золото потечет рекой.

ВОРЖИШЕК *(взвыл)*. Послушайте, у меня уже голова идет кругом! Сперва вы, пане Доминик, говорили, что это точно Голем. Потом пане Родион заявил *(шуршит страницами блокнота)*, что это точно не Голем. Теперь пане Густав утверждает, что он не знает, Голем это или нет, но хорошо бы, чтобы это был Голем… Я совсем запутался. Кто же убил графа?

ГУСТАВ *(резко)*. Не могу знать. А только наверх прошлой ночью никто не поднимался. Я сплю в каморке, под лестницей. Чутко сплю. Если бы кто скрипнул ступенькой, тут же вскочил бы. Тревогу поднял.

КУЧЕРА *(подозрительно)*. Вы намекаете, что графа задушила любовница?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Это невозможно.

КУЧЕРА *(все так же подозрительно)*. Конечно, вам не хочется, чтобы русского дворянина на чужбине убили свои… Вам выгоднее, чтобы это сделали чужие.

ВОРЖИШЕК *(умоляюще)*. Пане Доминик, но вы же сами говорили, что женщине так душить не по силам.

КУЧЕРА *(резко)*. Не припомню такого!

ВОРЖИШЕК *(перелистывает блокнот)*. Я записал в протокол.

КУЧЕРА*(обрывает его)*. А если и так, то теперь я пересмотрел свое мнение. В свете вновь открывшихся фактов. Граф Гурьев был катастрофически пьян и не способен отбиваться. Любовница могла положить подушку поверх глиняной маски, а после сесть сверху, навалиться всем своим весом и ждать, пока граф задохнется.

ВОРЖИШЕК *(шелестит листами)*. Но панна тоже была навеселе… Напилась, как… как… Вот, она сама говорила: «как порося».

КУЧЕРА *(ехидно)*. Томаш, а ты всем на слово веришь? Разве не знаешь, что люди часто обманывают?

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Вечно он так, панове! *(Передразнивает голос Кучеры)* Разве не знаешь… Знаю, конечно. Я и сам часто обманываю. Но эти насмешки пане Доминика бьют прямо в поддых, у меня сразу в глаза темнеет и хочется ответить крепким словцом. Но нельзя… Потерплю до поры, до времени. Стану однжды и я следователем. Старикан не зря все время намекает, что ему пора на покой. А пока пусть говорит, что хочет.

КУЧЕРА *(уже менее язвительно)*. Девица не так проста, как кажется на первый взгляд. Могла притвориться пьяной, подождать, пока граф захрапит, а потом уж взяться за подушку. Утром для виду прополоскала рот водкой, да еще и на одежду капнула, чтоб мы издалека запах почуяли и ничего не заподозрили. Нет, я все больше убеждаюсь, что это сделала она.

МАРМЕЛАДОВ *(твердо)*. Исключено. Она не могла убить графа по трем причинам.

КУЧЕРА *(все еще ехидно)*. Ну, что же, давайте послушаем.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Виктория Михайловна накануне действительно напилась до бесчувствия. Вы же умеете отличить запах только что пролитой водки от вчерашнего перегара? Судя по всему, барышня начала пить еще в Карлсбаде, а после добавила в придорожной таверне или в карете усугубила. Всю ночь она проспала на груди у графа – тот, как видите, завалился в кровать при полном параде, в мундире и с орденами. И вот, поглядите сюда… Звезда святой Анны отпечаталась на щеке у

Виктории Михайловны, все лучи отчетливо видны, а кожа вокруг посинела. Согласитесь, такое возможно только в том случае, если она лежала неподвижно очень долгое время.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Я согласился, не раздумывая. Ну а что?! У нас в Голешовице люди тоже пьют. Не так, как русские, конечно, но пьют изрядно. Мне самому не раз приходилось просыпаться с похмелья. Вихры торчат во все стороны, с такими заломами, что и не прислюнишь сразу. Шея болит, будто на ней всю ночь черти плясали. А уж на лицо лучше не смотреть, чего там только не отпечатывалось… Но пане Доминик все еще сомневался – стоит, губу оттопырил, головой покачивает. По всему видно, не верит сыщику. Впрочем, пане Родиона это не смутило. Мне вообще показалось, что он не нас старался убедить, а говорил для себя, чтобы мысли по полочкам разложить.

МАРМЕЛАДОВ *(все так же размеренно)*. Вторая причина, по которой Виктория Михайловна не могла убить графа, заключается в том, что она – русская.

КУЧЕРА *(фыркая)*. Пф-ф-ф! Будто бы русские не убивают.

МАРМЕЛАДОВ *(соглашаясь)*. Разумеется, убивают, этот грех от национальности не зависит. Здесь в другом соль. Ни одна русская барышня не выберет для этой цели комок влажной глины. В этой комнате я насчитал с десяток предметов, которыми удобно ударить по голове или пронзить горло. Все это, попадись оно под руку Виктории Михайловне, могло стать орудием убийства. Даже упомянутая ранее подушка, сама по себе. Но глина – это чисто пражская история. До приезда в ваш город я слыхом не слыхивал про Голема. Вы же росли, слушая сказки и легенды о гигантском глиняном убийце, для вас он почти реален. Потому и злодея, который подражает чудовищу, нужно искать среди вас.

ВОРЖИШЕК *(испуганно оглядываясь)*. Среди нас троих?

МАРМЕЛАДОВ *(с улыбкой)*. Нет, пане Томаш, среди всех жителей Праги.

КУЧЕРА *(с сомнением в голосе)*. Допустим, вы правы. Однако мне не терпится узнать, какова же третья причина?

МАРМЕЛАДОВ *(снова принимая серьезный тон)*. Третья причина самая убедительная. Я определил, как преступник проник в эту комнату, чтобы убить графа.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Если бы сыщик вмазал пане следователю по бубенцам, тот вряд ли удивился бы сильнее. А тут глаза выпучил, руки растопырил, покраснел – прямо вареный рак. Я еще сразу подумал, хорошо бы пива выпить, уж больно жарко стало. А пане Доминик, небось, мечтал о рюмке сливовицы. Давненько его никто не обыгрывал по части наблюдательности, ведь тут смотрите, какая загогулина получается: русский что-то

знает, а пане Кучера не знает. Это ведь не личная обида для старикана, нет, взгляните шире! Здесь налицо ущерб для авторитета всей пражской полиции.

КУЧЕРА *(собираясь с мыслями)*. Хм-м… Откуда вы можете знать такие детали?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Просто в любом расследовании я ставлю себя на место преступника. Едва приехав в гостиницу, стал прикидывать, как сам бы устроил это предприятие.

КУЧЕРА *(непонимающе)*. Какое предприятие?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Убийство графа Гурьева. И представьте себе, придумал. Злодей спрыгнул с крыши на вот этот небольшой карниз для цветов, – я проверил – он крепко держится.

ГУСТАВ *(горделиво)*. Правильно говорите. У нас тут все прикручено на совесть!

МАРМЕЛАДОВ *(не обращая внимания)*. Добраться сюда по крышам вполне возможно, у вас дома стоят так тесно, что перепрыгнуть с одного на другой труда не составит. Лето душное, поэтому окно в комнату было распахнуто настежь. Убийца проник в комнату – постояльцы мертвецки пьяные, не услышали бы ни шороха, – шлепнул глину на лицо графа и начал душить. Но тут началась гроза! Неприятный сюрприз для убийцы. Обратно на крышу и в сухой день забраться крайне сложно, я попробовал, там почти не за что зацепиться. Впрочем, если стать на самый край карниза и балансировать на цыпочках, высокий человек способен дотянуться до края крыши, ухватиться за него и подтянуться на руках… Я бы, может, и рискнул. Но когда пролился дождь, карниз стал скользким – это верное самоубийство. Стало быть, злодей мог покинуть комнату графа лишь одним путем – спуститься по этой лестнице.

КУЧЕРА *(недовольно)*. Вы что же, не слышали показаний свидетеля? Пане Густав сказал, что никто по лестнице не ходил.

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Напротив, я слушал очень внимательно. Пане Густав подчеркнул, что по лестнице никто не поднимался. Здесь он даже и не соврал. Ведь убийца спускался. Не так ли, пане Густав? Я смотрю, вы побледнели, да еще и пот со лба утираете.

ГУСТАВ *(испуганно)*. Сами же говорите, лето душное. Оттого и испарина.

МАРМЕЛАДОВ *(продолжая наседать)*. Согласен, жарко. Отчего же вы дрожите, словно осиновый лист?

ГУСТАВ *(еще более испуганно)*. Д-д-да я р-р-разве д-д-дрожу?

МАРМЕЛАДОВ *(обвиняющим тоном)*. Еще как! Зуб на зуб не попадает от страха. И я даже могу объяснить почему. Вы видели

убийцу графа Гурьева. Не Голема или привидение, обычного человека из плоти и крови. Потому и боитесь. В мистику вы не верите, но если душегуб прознает, что вы выдали его полиции, то может следующей ночью и вас пристукнуть. Так?

ГУСТАВ *(поджимая губы)*. А хоть бы и так. Я больше ничего не скажу.

КУЧЕРА *(сердито)*. Скажешь, колбаса брауншвейгская! Заберем тебя в допросную, через час все скажешь.

ГУСТАВ *(упрямо)*. Нет, я буду молчать, хоть пытайте.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Это зря, пане Густав… Зря. Вы же человек неглупый, должны смекнуть, что сейчас речь идет не о пытках, а уже о казни. *(к Кучере)* Здесь у вас неподалеку холм Висельников, там что же, до сих пор вздергивают приговоренных?!

ГУСТАВ *(испуганно)*. Да за что же меня повесят, панове?!

МАРМЕЛАДОВ *(все так же спокойно)*. За шею, пане Густав. Иных способов, вроде, пока не придумали…

ГУСТАВ *(закатывая глаза)*. Но я… Не виноват!

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. По законам Российской империи, тот, кто покрывает убийцу, считается соучастником убийства. Уверен, в Праге на это смотрят также. Я легко докажу, что убийца спускался по этой лестнице. На перилах в трех местах я заметил отпечатки глины. Вы, пане Густав, поклялись, что спите чутко и слышите каждый шаг по этим скрипучим ступеням. Показания ваши занесены в протокол, стало быть, на смертельный приговор вы уж наболтали. Но если расскажете, кого видели, то снова станете лишь свидетелем. Будете жить-поживать…

ГУСТАВ *(всхлипывая)*. Пока этот тип не прознает, что я его выдал полиции.

КУЧЕРА *(возбужденно)*. Так вы и вправду видели убийцу?

ГУСТАВ *(испуганно)*. Видел. Но только со спины. Выглянул из каморки, успел заметить, как он выходит в дверь. Тогда не придал значения, а утром, как графа обнаружил – понял, кто это был.

КУЧЕРА *(еще более возбужденно)*. Кто? Кто же?

ГУСТАВ *(недоуменно)*. Так убийца же. Скорее всего, он проник в комнату графа с крыши. Дернул дверь – заперто. На бюро лежит ключ. Вот он, на подносе. Убийца открыл дверь, положил ключ обратно, чтобы утром не хватились, куда пропал ключик… Спустился по лестнице и ушел.

КУЧЕРА *(разочарованно)*. Вы что же, не узнали этого человека.

ГУСТАВ *(отмахиваясь)*. Он был одет во все черное. На пороге не обернулся, потому лица я не разглядел. Подумал, может у

кого-то из гостей был посетитель, засиделся допоздна, вот и уходит. Откуда мне было ночью знать, что граф уже преставился?!

МАРМЕЛАДОВ *(к Кучере)*. Надеюсь, теперь вы окончательно убедились, что это убийство не мог совершить Голем. Это сделал человек.

ВОРЖИШЕК *(взволнованно)*. А то, второе?

МАРМЕЛАДОВ *(резко поворачиваясь к нему)*. Было и второе убийство?

ВОРЖИШЕК *(торопливо)*. Второе, если считать за прошлую ночь. А за две ночи – третье.

КУЧЕРА *(шипит)*. Томаш, кто тебя за язык тянул?! Теперь мы от этого настырного хлыща не отвяжемся…

Сцена третья

Карета едет по улицам Праги. Шум города.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Пане Доминик отвесил мне подзатыльник за то, что некстати брякнул про убийство Мартинки и ее сестры. Обидно, панове, вот ей-ей, обидно. Я же как лучше хотел. Да оно и вышло лучше. Пане Родион клещом вцепился в следователя по особо важным делам, потребовал показать ему место преступления и трупы обеих девиц. Уж как отбивался пане Доминик! Ругался страшно. Кричал, что не позволит любопытным иностранцам совать нос в частную жизнь обывателей Пражского Града, коих он лично поставлен защищать. Пане Родион не склонился перед налетевшей бурей, только усмехнулся и заметил, что частная жизнь обывателей Пражского Града его нисколечко не интересует, но вот смерть – весьма и весьма. Тем более, если барышень и графа Гурьева погубил один и тот же убийца. Пане Доминик возразил: а если не один и тот же? На что пане Родион всплеснул руками: да сколько же у вас Големов по ночам ходит? Дюжина?! И заметил вскользь, что если ему будут мешать расследовать смерть русского графа, то он немедленно умоет руки и вернется в особняк князя Салтыкова. Пане Доминик сообразил, что князь тут же помчится к бургомистру, а потом бургомистр устроит выволочку пане Доминику. Следователь смирился и перестал метать молнии, хотя гром нет-нет, да и рокотал в отдаленном ворчании. Он приказал запереть любовницу графа в нумере и охранять, пока не проспится. Поехали на Анненскую улицу. В карете старикан старался не глядеть на русского сыскаря, хотя это было трудно – сидели они лицом к лицу, но обращался пане Доминик только ко мне. Пане Родион тоже игнорировал соперника, говорил подчеркнуто со мной одним. Будто я громоотвод, право слово.

КУЧЕРА *(к Воржишеку)*. Черная спина… Черная спина, да? Кто одевается во все черное, Томаш?

ВОРЖИШЕК *(задумчиво)*. Трубочисты.

МАРМЕЛАДОВ *(к Воржишеку)*. У трубочистов, пане Томаш, руки сажей перепачканы. И на глине, и на подушке остались бы черные пятна.

КУЧЕРА *(задумчиво)*. А может рабби из синагоги? Они тоже черные одежды носят. Надо в Йозефов заехать, поспрашивать.

ВОРЖИШЕК *(качая головой)*. Ну, не знаю… Мартинку убили напротив Свиной башни. Стали бы евреи там убивать? Да они проходить мимо и то не отваживаются, по кривому переулку

перебегают.

КУЧЕРА *(перебивая)*. А я бы все же проверил, Томаш. Первого Голема в незапамятные времена сотворил рабби Лёв, как раз, чтобы он ходил туда, куда сами евреи сунуться не отважатся. Что если и нынешнего Голема сотворили с подобной целью?

ВОРЖИШЕК *(кивает)*. На старом кладбище, у синагоги, есть могила Махараля. Может Голем там скрывается?

МАРМЕЛАДОВ *(усмехаясь)*. Вы что же, пане Томаш, и вправду верите в эти сказки? Хотя может ли быть иначе. Вы слушаете эти истории с детства. Даже я за то короткое время, что прожил в Праге, успел наслушаться историй. И про Голема, и про чудовище с двумя затылками, и про гигантских крыс в подземных ходах под Градчанами, и даже про то, что один бродячий торговец превратился в отвратительное насекомое… Все это, бесспорно, самобытно и необычно. Когда писатели запрут пражские легенды на бумаге, в решетке из строчек, а сверху покроют все переплетом из тисненой кожи – эти сказки разойдутся по всей Европе, да и у нас, в Москве, их зачитают до дыр. Но воспринимать байки о Големе всерьез никто не станет.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Пане Доминик вспыхнул, но не ответил. Замкнулся в обиженном молчании. Пришлось мне одному показывать пане Родиону место, где убили Мартинку. Зеваки там все следы уже вытоптали, а хозяйка мясной лавки оттирала кровавые пятна со стены. Пришлось на них прикрикнуть, для острастки, чтоб не мешали. Пане Родион осмотрел мостовую в поисках улик, потом встал и, даже не отряхнув свои щегольские брюки, спросил, где стояла телега, под которой нашли тело. Я показал, но это не удовлетворило русского сыскаря. Он свистнул, подзывая трех бездельников, и велел перекатить телегу, чтобы встала точно на прежнее место. Потом взобрался на нее и стал размахивать руками… Зачем? Сразу не догадался, потом уж понял. Пане Родион примерялся, как сам убил бы девчонку. Ох и методы у него. Поставить себя на место убийцы! Да как можно?! Чуть подумаешь об этом, мурашки по коже бегут…

Спрыгнул он с телеги, приподнял замызганный кусок брезента и осмотрел решетку сточной канавы, даже пальцы туда зачем-то окунул. Достал чистейший платок, вытер испачканную руку и засунул грязный комок ткани обратно в карман. Пошел соседей расспрашивать. Удивительное дело – всего два месяца в Праге, а уже свободно болтает по-нашенски! Правда, вопросы он задавал странные, не про крики на улице, не про Голема и даже не про телегу. Он спрашивал: как часто в ту канаву сливают кислое молоко…

А потом мы поехали в покойницкую. Ух, панове! Признаюсь, в этом подвале я всегда цепенею. Не потому, что там холодно, аж пар изо рта идет, и не потому, что там мертвяки вокруг. Мертвяков я не боюсь, да и одеться можно потеплее. Но там всегда такая жуткая тишина, от которой в душе просыпается ужас. Будто сам в гробу лежишь…

Тело русского графа успели привезти сюда, сняли мундир и прочую одежду. Доктор как раз закончил с ним возиться, подтвердил все предположения пане Доминика. Тот сразу расцвел, заулыбался и с вызовом обернулся к пане Родиону. Но русский разглядывал вывернутую шею Эльжбеты.

МАРМЕЛАДОВ *(задумчиво)*. Это первая жертва? Старшая сестра, так вы сказали, пане Томаш?

ВОРЖИШЕК *(кивает)*. Да, Эльжбета Бржезова. Ее задушили в собственном доме. А это Мартина, которую нашли сегодня утром под той телегой.

МАРМЕЛАДОВ *(отрешенно)*. Эту я сразу узнал.

ВОРЖИШЕК *(удивленно)*. Вы разве видели ее прежде? Или… А, я догадался… Узнали по жутким ранам…

МАРМЕЛАДОВ *(все так же отрешенно)*. Барышень убил один человек, но почему-то обошелся с ними по-разному. Эльжбету задушил тихо, без увечий, а Мартину – растерзал.

ВОРЖИШЕК *(с видом знатока)*. Известно, почему. Старшая сестра – сама кротость, кого ни спросишь, все ее любили, а младшая – бес в юбке. Вечно всюду лезла, раздражала людей. Такая и глиняного истукана до бешенства довести могла. Вот Голем ее и…

МАРМЕЛАДОВ *(со вздохом)*. Нет, здесь иное. Мартину задушили, в том нет сомнения. Зачем же убийца после этого шесть раз ударил обмякшее тело о стены и трижды о железную решетку сточной канавы? Зачем кому-то понадобилось калечить труп?

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Пане Родион задумчиво бродил между столами. Три шага вперед, три обратно. Он не замечал никого вокруг, иногда рука его касалась пышных локонов Эльжбеты, недавно горевших золотом, а теперь изрядно потускневших. Пане Доминик вполголоса беседовал с доктором и делал вид, что ему безразлично это хождение туда-сюда, но я-то видел: косится старикан. Ждет подсказки, надеется на проницательность русского сыскаря. У нас-то по этим двум убийствам – никаких зацепок, ни единого подозреваемого. Пане Родион размышлял с четверть часа, у меня уж руки озябли, но когда он заговорил – стало еще холоднее.

МАРМЕЛАДОВ *(ледяным тоном)*. Пожалуй, объяснение здесь

может быть лишь одно. Убийца хотел, чтобы все тело было покрыто засохшей кровью.

ВОРЖИШЕК *(встрепенувшись)*. Но зачем ему это?

МАРМЕЛАДОВ *(чеканя каждое слово)*. Чтобы скрыть кровь, которую он пролил чуть раньше.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Ну, вот почему нельзя сказать просто?! Опять загадки. Я давно подметил подобную особенность у пане Доминика. Пробросит словечко, намекнет, а ты ломай голову, что бы это значило. Вроде как таким образом он заставляет мои мозги работать. А зачем? Сам же потом говорит: «Не думай, Томаш, тебе вредно». Выпендривается следователь, подчеркивает, что он по особо важным делам, а я так, карандашиком по бумаге чиркаю. Пропасть между нами обозначает… Вот и пане Родион ничего не объясняет толком. Хотя этот, вроде, не выпендривается, просто говорить ему неприятно. Небось, о чем-то омерзительном речь? О чем-то, что гаже убийства… Пане Доминик догадался первым. Ну, то есть вторым, уже после сыщика, а все-таки прежде меня.

КУЧЕРА *(сдержанно)*. Выходит, снасильничал? Над девчонкой? Изувер проклятый!

ВОРЖИШЕК *(растерянно)*. Пане Доминик, что вы такое говорите? Как же Голем может снасильничать? Он же из глины. У него же нет…

КУЧЕРА *(с досадой)*. Томаш, что ты заладил – Голем, Голем. Этот кошмар сотворил человек!

МАРМЕЛАДОВ *(сдержанно)*. Позвольте вас поправить: люди.

КУЧЕРА *(с еще большей досадой)*. Что – люди?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Этот кошмар сотворил не один человек, а как минимум двое. В этом мое уточнение. Графа Гурьева убил другой.

КУЧЕРА *(злобно)*. Да откуда вам знать? Вы здесь и часа не пробыли, а уже все разгадали?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Помогите мне, и сами убедитесь.

КУЧЕРА *(резко)*. Еще чего! Помогите…*(чуть остывая)* А что вы собираетесь делать?

МАРМЕЛАДОВ *(бесстрастно)*. Добывать недостающие улики.

ВОРЖИШЕК *(рассказывает)*. Я уж думал, все самое противное позади. Но ошибался, панове. Боже, как я ошибался… Пане Родион подошел к Мартинке, нагнулся к ее губам, близко-близко, я уж думал – сейчас поцелует. А он взялся правой рукой за подбородок покойницы, левую положил на лоб и с усилием разжал сомкнутые челюсти. Дальше… Даже вспоминать тошно… Пане Родион начал выковыривать глину из ее глотки… Пане Доминик шумно вдохнул, а русский сыскарь кивает на остальные

трупы – не отставайте, мол, помогайте добывать улики. Улики, а? Старикан вытер испарину со лба, но вызов принял. Подошел к телу Гурьева. Хитрый, черт! У графа рот до того глиной забит, что вся в горле не помещается, сама наружу лезет. А мне досталась Эльжбета…

Прикоснулся к ее щеке – ледяная. Оторопь взяла. Негоже это, тревожить мертвецов. Повадится потом являться во снах, да насмерть меня замучает? К тому же знахарь в Голешовице упреждал, что тела всех людей сразу после смерти наполняются ядом, потому лучше держаться подальше. Иначе и сам окочуришься. А тут удержишься, как же. Пане Доминик глазами сверлит, еще чуть-чуть и зарычит: «Не стой столбом, раззява!» Зарычит, будьте уверены, а то ж я не знаю пане Доминика…

Помолился я мысленно, попросил у Эльжбеты прощения за то, что сделаю. Челюсти чуть приоткрыл, потянулся к глиняному комку в глубине… Сам дрожу, от того пальцы о ее зубы стукаются, и кажется, что мертвая красавица покусывает меня, будто любовница дразнит, распаляет страсть. Совсем жутко стало. Поглядел я в застывшие глаза прачки, а в них столько укора и ненависти, что у меня ноги-то и подкосились. Вдохнуть пытаюсь, но не могу, будто невидимый Голем подкрался и положил на лицо свою огромную ладонь. А может, так оно и случается? Помираю я, панове… Все. Конец!

Грохот падающего тела.

Действие четвертое

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежд и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Для дальнейших показаний вызывается Доминик Кучера, следователь по особо важным делам.

КУЧЕРА *(с поклоном)*. Всегда рад поспособствовать установлению истины.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Благодарю вас, пане Доминик. Что можете добавить к показаниям вашего помощника о событиях 18 июля 1883 года? Вы ведь слышали, на каком моменте оборвался его рассказ?

КУЧЕРА *(насмешливо)*. Слышал, как не слушать. Да и момент тот прекрасно помню. До чего впечатлительная у нас молодежь… Я-то покойников навидался на своем веку, давно уж перестал бояться. Бояться живых надо, от них все беды. А Томаш… Я всегда считал, что у него нервы покрепче… Ладно, парень недавно служит, любой полицейский-новичок хоть раз да брякнется в обморок, осматривая покойника. Видели бы вы, как он потешно хватался за горло и кричал: «Помираю я, панове! Все! Конец!» Нет, юноша! Не конец. Это только начало. Ты – горсть железной руды, а моя задача очистить эту руду от примесей да выковать крепкий и надежный меч, который будет защищать Прагу от напастей, когда сам я уйду на покой. Вопрос в том, успею ли…

ГОЛОС ПРАГИ*(официально)*. Пане Доминик, несмотря на все ваши несомненные заслуги перед Прагой… Нам не интересны подобные отступления. Говорите по существу дела.

КУЧЕРА *(чуть раздраженно)*. Как прикажете! Мы с доктором подняли Томаша, дали нюхнуть нашатырю. А сыщик Мармеладов тем временем закончил за мальчишку грязную работу – вынул глину изо рта Эльжбеты. Разложил все три комочка на отдельном столе. Взял ланцет и стал нарезать глину, будто зельц или кровянку. Осмотрел каждый ломтик, обнюхал, два или три отложил в сторонку, а потом обратился ко мне, как всегда – без должного почтения.

МАРМЕЛАДОВ (азартно). Вот и доказательства, пане Доминик.

КУЧЕРА *(сердито)*. И что же вы доказали?

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Да вы сами посмотрите. Глина разная. Та, которой задушили графа – светлая, маслянистая на ощупь. А эта совсем другая. Зеленоватая на вид и пахнет речным

илом. Понюхайте сами, если не верите…

ВОРЖИШЕК *(шумно вздохнув)*. Чур, меня! Верю, верю, верю.

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Эта глина точно с берега Влтавы. Скорее всего, убийца просто зачерпнул ее со дна, набил карман и пошел охотиться на барышень.

КУЧЕРА *(задумчиво)*. Получается, оба раза он действовал спонтанно. Соображал на ходу.

МАРМЕЛАДОВ *(сухо)*. Не согласен. Он заранее придумал свалить преступления на Голема, иначе не стал бы глину зачерпывать. Стало быть, убийства эти обдуманные и судить за них следует по всей строгости закона.

КУЧЕРА *(рассказывает)*. Не стану скрывать, Мармеладов не понравился мне с первого взгляда. Есть в нем что-то раздражающее и даже отталкивающее. Вот как в давешней воровке. Она старалась найти убийцу сестры, это правда, но хотя наши цели и совпадали, я прекрасно понимал, что мы не одного поля ягоды. Я – закон, она – преступница. Русский вызывает подобные чувства. Не доверяю ему, хотя и не могу объяснить – почему… Слишком ловко он примеряет на себя личину убийцы. Откуда ему знать, как думают преступники? Я в полиции тридцать лет служу, но погружаться в гнилые мыслишки всякого отребья желания не нажил. А Мармеладов чуть ли не с радостью в темный омут окунается! Сыщик… Это его князь так назвал, но кто таков этот тип на самом деле?

Впрочем, сейчас это не важно. При всей неприязни, должен отдать ему должное – с глиной и речным илом он угадал. Уважаю тех упрямцев, которые готовы перетрясти сто тысяч улик и последнюю, самую неопровержимую, сложить на вершине пирамиды египетской. Это не просто желание любопытного ума разгадать загадку, и даже не навязчивое стремление докопаться до истины, нет. Я угадываю в Мармеладове обостренное чутье на несправедливость, пусть даже самую мелкую… Вот в этом мы, пожалуй, схожи.

Берег реки Влтавы, шум волн и другие звуки города.

Мы пришли к реке, уже под вечер. Солнце падало за Петршин, окрашивая воды Влтавы в кроваво-красный цвет. По берегам настороженно топорщились башни с острыми крышами. Далеко за городом сверкали молнии, скоро гроза доберется сюда, поэтому лучше не мешкать. Мы брели вдоль реки. Время от времени я приказывал Томашу окунуть руку по локоть и достать со дна немного тины. Он старательно подворачивал рукав мундира, приносил полную пригоршню песка, глины и ила. Мармеладов обнюхивал и качал головой: не то. Томаш выбрасывал тину, ополаскивал ладонь и приводил форму в

порядок. Но через пару сотен шагов приходилось снова закатывать рукав… Какой же он все-таки идиот! На кого же я оставлю Прагу, когда окончательно состарюсь?!

МАРМЕЛАДОВ *(осторожно)*. Пане Доминик, вы недавно обмолвились, что узнаете почерк Голема. Стало быть, он убивал и прежде?

КУЧЕРА *(отвлекаясь от мыслей)*. Что? А… Да, это не первый случай.

МАРМЕЛАДОВ *(все так же осторожно)*. И что же, его жертвами всегда оказываются люди… Не самых высоких моральных принципов?

КУЧЕРА *(с усмешкой)*. Зачем такая высокопарность? Голем давит грешников, в этом его предназначение. Убивает тех, кто сотворил злодеяние против Праги и ее народа.

МАРМЕЛАДОВ *(изображая удивление)*. Каким же образом в этом списке оказался граф Гурьев? Он-то здесь проездом из Карлсбада. Случайно попался под глиняную руку?

КУЧЕРА *(настороженно)*. А вы разве не знаете? Этот ваш граф… Он ведь далеко не святой.

МАРМЕЛАДОВ *(примирительно)*. Я не был знаком с Гурьевым, но мне пересказали его девиз: «Человек начинается только с барона». Всех, кто ниже, граф не признавал за людей. Это, разумеется, свинство, но не повод для убийства.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Нет, не то! Слушайте, как все было. Семь лет назад ваш граф купил старый замок короля Сигизмунда, это недалеко от Праги. Купил по выгодной цене, поскольку там все прогнило и обветшало. Затеял реконструкцию, и первым делом приказал снести плотину, чтобы спустить замковый пруд. Плотину взорвали, не предупредив никого. Три деревни вниз по течению реки затопило. Смыло к чертовой матери! Хижины разметало по жердочке, к Карловому мосту наутро вынесло тела погибших. Я был среди тех, кто вылавливал утопцев. Восемьдесят семь трупов, в основном старики да дети малые.

Пауза, плеск речных волн.

Граф ускользнул от правосудия. Дал судьям мешок золота, и те отмерили смешное наказание: построить новую плотину… Убийцу отпустили, он в тот же день укатил в Петербург и с тех пор в Богемии не появлялся. А спустя семь лет вернулся, на свою голову. Думал, что у Праги короткая память, но это не так…

Пауза, плеск речных волн.

Поверьте, плакать о Гурьеве здесь никто не станет.

МАРМЕЛАДОВ *(резко)*. Однако, найти его убийцу – ваш долг.

КУЧЕРА *(скрипнув зубами)*. Несомненно.

Пауза, плеск речных волн.

Мне не понравилось, как Мармеладов подчеркнул «ваш долг». Отгородился, видите ли! Будто для него это лишь досадное препятствие, которое отвлекает от приятного путешествия из России в… Куда он там едет? Хотя, может быть, так оно и есть. Князь Салтыков послал сыщика копаться в тине да осматривать покойников. Может, ему это как рыбья кость в горле? Оттого и отгораживается… А знаете что? Пусть терпит. Я же терплю, хотя мне тоже не по душе, когда навязывают эдаких умников. Будто убийцу русского графа непременно должен ловить его соплеменник. Будто чехи не проявят должного радения… Так вот проявим, пане надзиратель, не сомневайтесь.

МАРМЕЛАДОВ *(повторяя вопрос)*. Пане Доминик, я говорю: а кто остальные жертвы Голема?

КУЧЕРА *(отвлекаясь от мыслей)*. Что? А… Вам-то какое дело? Русских среди них не было.

МАРМЕЛАДОВ *(мягко, но настойчиво)*. И все же, позвольте полюбопытствовать.

КУЧЕРА *(с усмешкой)*. Любопытно, пане Родион? Что ж, извольте. Один герцог с женой убили своего сына, а тело его в ту же ночь сожгли, чтобы улик не осталось. Полгода собирали доказательства, довели до суда, но герцога оправдали. Герцог ведь, а вельможам закон не писан.

МАРМЕЛАДОВ *(озадаченно)*. Неужели Голем посягает только на благородную кровь?

КУЧЕРА *(брезгливо)*. Он гнилую кровь чует. Кабатчик из Вышеграда травил своих постояльцев и обирал до нитки. От смертного приговора откупился, зараза. Или, скажем, опекун сиротского приюта продавал своих подопечных жестоким развратникам, причем как девочек, так и мальчиков. Помиловали благодаря заступничеству клиентов, которых он не выдал на суде. Но от Голема нельзя откупиться, ему плевать на чины и титулы. Вскоре после несправедливого приговора он приходит и душит виновных.

Пауза, плеск речных волн.

А хуже всех был мясник, пане Игнац. Лет десять назад вся Прага судачила: арестовали его за то, что продавал фарш из мертвечины. Сговорился с бандой Матиуша Выдры. Те грабили прохожих на Староместной площади да на Анненской улице. Стукнут по голове дубинкой, и чистят карманы, пока жертва не очухалась. Иной раз слишком сильно размахнутся и по случайности насмерть прибьют. Случалось даже, что нарочно ножичком ткнут под ребра. Тогда бездыханное тело волокли в мясную лавку, пане Игнац его расчленял – и в мясорубку. От бандитов в благодарность имел долю, пятую часть добычи, да еще

и фарш продавал за полновесную монету. Сколько людей тогда пропали без вести! Каждый день прибегали безутешные вдовы, матери, дочурки. Устроили мы облаву, скрутили бандитов. Главарь не стал запираться, сдал мясника с потрохами. Арестовали пане Игнаца, а суд его оправдал. Решили, что раз сам не убивал, то пусть заплатит штраф и больше не грешит.

Пауза, плеск речных волн.

Отпустили мясника. Он три дня пил на радостях, а Голем пришел и задушил его.

МАРМЕЛАДОВ *(одобрительно)*. Вы что же, пане Доминик, помните каждую жертву Голема?

КУЧЕРА *(высокомерно, с долей хвастовства)*. Помню, ха! У меня все записано. Я собирал досье по каждому убийству Голема. Надеялся найти подсказки, которые помогут изловить душегуба.

МАРМЕЛАДОВ *(осторожно)*. Позволите ознакомиться?

КУЧЕРА *(пожимает плечами)*. Если вы умеете читать по-немецки. У нас все официальные бумаги… Сами знаете… Завтра утром приходите в мой кабинет, там целая полка. Полсотни отменных негодяев, которые откупились от смертного приговора, но не ушли от справедливого возмездия.

МАРМЕЛАДОВ *(удивленно)*. Полсотни трупов?! Почему же Голема ни разу не поймали за все эти годы?

КУЧЕРА *(горделиво)*. Потому что Голем неуловим.

МАРМЕЛАДОВ *(подозрительно)*. Пане Доминик, вы будто восхищаетесь этим чудовищем.

КУЧЕРА *(резко)*. Я восхищаюсь идеей! Вы недавно изволили уколоть, мол, мы слишком верим в страшные сказки, услышанные в детстве. Но поверьте, пане сыщик, пока пражских детей пугают Големом, они вырастают добрее. Во всей Европе, да и в России тоже, людей от преступлений что останавливает? Закон да страх перед божьей карой. Вот и думают многие: до Бога далеко, а закон – что дышло… Потому и грешат. У нас же есть третья сила. Голем. Он разит без промаха.

МАРМЕЛАДОВ *(недоуменно)*. Как же, без промаха. А зачем он двух девушек убил? Они разве великие грешницы?

КУЧЕРА *(не сдается)*. Да уж не ангелочки, как выяснилось. Старшая ходила к алхимику, покупала какие-то зелья. Уж, конечно, не для доброго дела. К тому же, хоть меня и убеждают в обратном, но нельзя исключать, что она торговала своими прелестями. Доктор в покойницкой установил, что Эльжбета не была девственницей – уж простите за такую подробность. Младшая – воровка, у нее на совести десятки чужих кошельков. И не говорите, что это несоизмеримо с преступлениями того же графа! Кошелек украсть – это не убийство, но если без этого

кошелька целая семья голодать будет, и через это ноги протянет? Нет, не спорьте. Тут и божий суд не пощадил бы, ведь зло, хоть и мелкое, все равно остается злом.

МАРМЕЛАДОВ *(задумчиво)*. Мелких преступников на страшный суд поведут толпой, а убийц – по отдельности… Вот и вы, пане Доминик, выберите, которого из Големов защищаете. Того, что вершит свое странное правосудие, или того, что над девочкой надругался. Они ведь разные, неужели забыли?

КУЧЕРА *(рассказывает)*. Я задохнулся от возмущения. Забыл? Я? Но потом осознал: а ведь прав Мармеладов. Снова прав. Рассуждая о воздаянии за грехи, я совершенно упустил из виду, что сестер Бржезовых убил не Голем, а его тайный подражатель. Этого изверга необходимо отыскать как можно скорее, пока не замахнулся на очередную девицу… Ответить сыщику я не успел, перебил этот непутевый Томаш… На нем я невысказанную обиду и выместил.

ВОРЖИШЕК *(кричит, с одышкой)*. Пане Доминик! Пане…

КУЧЕРА*(злобно)*. Помощник следователя Воржишек! До каких пор вы будете нарушать субординацию? Впредь рекомендую обращаться ко мне исключительно по уставу. Господин следователь по особо важным делам. И никак иначе! Это ясно?

ВОРЖИШЕК *(опешив)*. Ясно.

КУЧЕРА *(продолжая отчитывать)*. Видимо, недостаточно! Отвечать надо: «Ясно, господин следователь по особо важным делам!» И что это у вас за расхристанный вид? Немедленно приведите себя в порядок и застегните все пуговицы. Что? У вас на рукаве пуговица оторвана? Вы позор пражской полиции! Чтобы к завтрашнему утру все пуговицы были пришиты и начищены до блеска. Сапоги, кстати, тоже… Это ясно?

ВОРЖИШЕК *(понуро)*. Ясно, господин следователь по особо важным делам.

КУЧЕРА *(удовлетворенно)*. То-то же. По поводу чего был весь этот крик?

ВОРЖИШЕК *(воодушевляясь)*. Пане Доми… Господин следователь по особо важным делам! Там у моста… Видите?

КУЧЕРА *(присматриваясь)*. Рыбачит кто-то?

ВОРЖИШЕК *(азартно)*. Если бы! Там какой-то недоросток в реке возится.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Пусть возится, нам то, что с того. Ты тину принес?

ВОРЖИШЕК *(возбужденно)*. Господин следователь по особо важным делам, разве вы не видите? Этот гном вычерпывает глину, набрал уже полное ведро!

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Думаете, это и есть убийца?

ВОРЖИШЕК *(в крайнем возбуждении)*. Думать мне начальство запрещает. Но если бы тому коротышке глина для доброго дела понадобилась, стал бы он ее впотьмах собирать? Надо его арестовать и тряхнуть хорошенько.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Так чего же сразу не арестовал?

ВОРЖИШЕК *(растерянно)*. Приказа не было. Прикажете арестовать, господин следователь по особо важным делам?

КУЧЕРА *(в бешенстве)*. Ох и бестолочь! Ну, конечно, иди и арестуй.

МАРМЕЛАДОВ *(с ухмылкой)*. Я бы советовал вам, пане Томаш, не идти, а бежать. Тот человек, заслышав наш спор, бросил ведро и поспешно улепетывает. А упустить его не хотелось бы.

ВОРЖИШЕК *(на бегу)*. Не родился еще тот, кто сумеет ускользнуть от Томаша Воржишека *(спотыкается, падает)* Чертова коряга… *(голос удаляется)* Эй, ты! А ну стой! Стой, паскудник, не то хуже будет!

Топот ног и крики, затихающие вдали.

Сцена вторая

Берег Влтавы. Те же и ЙИРЖИ.

КУЧЕРА *(рассказывает)*. Я даже не помышлял о том, чтобы побежать следом. В моем возрасте мысли еще быстры, а ноги уже не те. Но русский чуть ускорил шаг… Нельзя позволить этому типу опередить меня… *(ускоряет шаг и голос)* Ни в коем случае! Пришлось поднажать. Мармеладов ухмыльнулся… Может быть, мне это почудилось? В неверном свете фонарей и не такое померещится… Нет, смотрите-ка – ухмыляется, чертов сыщик! Еще быстрее пошел… *(начинает задыхаться)* Что за мучение?! Не угнаться мне… Не угнаться… *(останавливается и отфыркивается)* Скорее бы Томаш скрутил беглеца.

Слышны невнятные крики и удары, по мере приближения становится слышно жалобный голос ЙИРЖИ и рычание ВОРЖИШЕКА.

ВОРЖИШЕК *(злобно)*. Добегался, тварюга?! Вот я тебе…

ЙИРЖИ *(плаксиво)*. Не бейте, ваша милость! Пощадите! Я ни в чем не виноват!

ВОРЖИШЕК *(с оттенком удивления)*. А чего же тогда убегал?

ЙИРЖИ *(плаксиво)*. Испугался, ваша милость. Вы как закричите: стой! А кто же остановится, если так грозно кричат? Тут и невиновный побежит.

ВОРЖИШЕК *(встряхивая его за шкирку)*. Невиновный, как же. Признавайся, что на реке делал?

ЙИРЖИ *(закатывая глаза)*. Гли… Глину собирал.

КУЧЕРА *(подходит, задыхаясь)*. Глина тебе зачем?

ЙИРЖИ *(испуганно)*. Так я же гончар. Спросите любого, подтвердят – Йиржи-глиномеса вся округа знает. А глиномесу без глины никак нельзя, иначе какой же он глиномес.

КУЧЕРА *(все еще задыхаясь, с подозрением)*. И что же ты мастеришь… Из глины?

ЙИРЖИ *(уклончиво)*. Посуду всякую – чашки, плошки. Потом еще для одного пасечника делаю горшочки, в которых мед на рынок отвозить удобно. Да и хранить тоже. Хотя тут я, признаться, не уверен, сам мед не люблю, разве только на поминках съем ложку-другую…

ВОРЖИШЕК *(снова встряхивает его за шкирку)*. Не верьте ему, господин следователь по особо важным делам! Станет пасечник платить за горшки из речной глины? У него же весь мед тиной провоняет! Вот, как мои руки*(принюхиваясь)* До чего же мерзкий запах… Как думаете, скоро отмоется?

КУЧЕРА *(шипит в лицо Йиржи)*. Ты, мозгляк, с полицией не шути! Эти шутки плохо заканчиваются, уразумел?

ЙИРЖИ *(плаксиво)*. Да разве же я…

КУЧЕРА *(переходит на крик)*. Не смей врать! Отвечай, зачем тебе речная глина? Убийство задумал? В Големы метишь?

ЙИРЖИ *(задыхаясь от страха)*. Убийство? Да вы что! Я же никогда, ни одной живой души…

ВОРЖИШЕК *(дважды бьет его по лицу, гневно)*. Не юли, мразь! Отвечай на вопрос, который задал господин следователь по особо важным делам: на кой ляд тебе сдалась речная глина?

ЙИРЖИ *(всхлипывая)*. Статую леплю.

ВОРЖИШЕК *(заинтересованно)*. Похабную, небось? Девку с голыми титьками? Видал я такую статую в одном музее, чудо как хороша…

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Томаш, оставь эти глупости! *(к Йиржи)* Так что за статуя?

ЙИРЖИ *(всхлипывая)*. Полководец Ян Жижка на коне.

КУЧЕРА *(удивленно)*. На коне? Это где же такая громадина поместится?

ЙИРЖИ *(продолжая всхлипывать)*. У меня мастерская в старом каретном сарае. Днем я там делаю посуду из желтой глины, а ночью набираю зеленую из реки, и до рассвета работаю над статуей. Конь уже готов, и ноги в сапогах…

КУЧЕРА *(передразнивая)*. Конь готов… Ишь ты… А почему тайком лепишь?

ЙИРЖИ *(удивленно)*. Так ведь Жижка.

КУЧЕРА *(с прищуром)*. Ну, Жижка и Жижка. Ты же статую никому не показываешь. Лепи себе, что вздумается.

ЙИРЖИ *(с вызовом)*. Я же не только для себя. Когда-нибудь вспыхнет новое восстание, прогонят чехи имперскую муть, захотят памятник поставить по этому случаю. А у меня как раз статуя готова.

КУЧЕРА *(растягивая слова)*. Да вы, пане Йиржи, заговорщик?

ЙИРЖИ *(понуро)*. Просто мечтатель. Хочу проснуться однажды и увидеть Прагу свободной! *(начинает распаляться, к концу почти кричит)* Чтобы никто не запрещал чехам читать газеты на родном языке. Чтобы на рыночной площади опять поставили кукольный театр, и я бы хохотал над проделками Кашпарека. Чтобы император Франц-Йозеф не запрещал моим детям изучать в школе историю Пражского Града, а на Витковой горе гордо возвышался памятник Великому Слепцу! *(осекся, с ужасом глядя на Кучеру)* Но мечтам этим не суждено сбыться. Вы же служите проклятым Габсбургам. Теперь и коня разрушите, и меня сгноите в темнице…

КУЧЕРА *(дружелюбно)*. Бросьте, пане Йиржи. Мы же не немцы какие, на родном языке говорим. За мечты о свободной Праге я вас в темницу запирать не стану.

ЙИРЖИ *(недоверчиво)*. Но… Вы же полицейский, а значит, обязаны арестовывать неблагонадежных.

КУЧЕРА *(все так же дружелюбно)*. Пане Йиржи, я не служу Габсбургам. Я служу Праге и боролся за ее свободу, когда вы еще пешком под стол ходили.

ЙИРЖИ *(затаив дыхание)*. В сорок восьмом году?

КУЧЕРА *(кивает)*. Два дня на крепостных стенах… Чудом избежал австрийских пуль, но куда большим чудом было то, что меня не повесили за участие в мятеже. Допрашивал меня следователь по особо важным делам, пане Лукаш. Он разглядел в нескладном юнце что-то такое, что сам потом не мог объяснить. Любил повторять: «В тебе, Доминик, живет истинный пражский дух. Будь верен родному городу, никогда не предавай его!» Так что ступайте, пане Йиржи. Сделайте статую Яна Жижки и укройте от посторонних глаз. Верю, что однажды наступят времена, когда этот памятник поставят на Витковой горе.

ЙИРЖИ *(кланяясь и все еще не веря своему счастью)*. Спаси вас Бог, пане Доминик. Пойду искать свое ведерко, я ведь его выбросил, когда побежал. Без ведерка-то глину не набрать, а глиномесу без глины никак нельзя, иначе какой же он глиномес.

МАРМЕЛАДОВ *(окликает)*. Постойте!

ЙИРЖИ *(испуганно)*. Что такое, ваша милость?

КУЧЕРА *(раздраженно)* Что вы задумали?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Вам все же придется проехать с нами.

ЙИРЖИ *(совсем испуганно)*. Куда?

МАРМЕЛАДОВ *(все так же спокойно)*. В покойницкую.

ЙИРЖИ *(завывая)*. Матерь Божья! За что же это меня сразу в покойницкую? Не убивайте, ваша милость, я ведь ни в чем не виноват.

КУЧЕРА *(злобно)*. Что вы себе позволяете, пане Родион? Зачем нам тащить его в покойницкую? На каком основании? Вы же не имеете в Праге никаких полномочий!

МАРМЕЛАДОВ *(пожимая плечами)*. Я думал, вы догадаетесь. Но могу и объяснить.

КУЧЕРА *(с холодной яростью).* Уж будьте так любезны!

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. В покойницкой мы оставили глину. Помните? И если пане Йиржи так хорошо разбирается в разных сортах и породах, то сможет помочь нам определить из каких мест эту глину привезли.

ЙИРЖИ *(радостно)*. Это я могу, панове! Ей Богу, могу. Да я

любую глину распознаю с первого взгляда. Да я… *(голос удаляется)*

КУЧЕРА*(рассказывает)*. Мармеладов снова переиграл меня. Пока я вспоминал былые годы, он воспользовался моментом и обдумал новую теорию. Хотя, идея привлечь к расследованию гончара, весьма недурна. Я бы и сам это предложил. Может быть, лишь минутой позже.

Свистнули извозчика. Пока ехали, я посвятил пане Йиржи в подробности трех убийств. Он сперва впал в ступор, услышав, что некто использует глину для столь злого дела. Для гончара и скульптора это, наверное, граничит со святотатством. В покойницкой, увидев три тела на столах, он закашлялся, и чуть было не лишился чувств, но в глазах мечтателя светилась решимость. Вот истинный сын чешского народа!

Пане Йиржи тщательно изучил нарезанные сыщиком ломтики, часть подкоптил на свече, другие размял в руках и потом, отбросив глину, провел пальцами по щеке, прислушиваясь к ощущениям.

ЙИРЖИ *(задумчиво)*. Жирная глина, почти без песка. Такую нечасто встретишь. Зеленая вам вряд ли что-нибудь подскажет, ее можно набрать в сотне мест вверх по течению Влтавы. А вот эта – редкая, смотрите, какой цвет! Белый, с мраморными прожилками. Эта глина особая. Она живет только в болоте, в самой трясине. Если извлечь оттуда, быстро высыхает, и потом с ней уже ничего не сделаешь.

МАРМЕЛАДОВ *(быстро)*. Стало быть, Голем ходит на болота каждый раз, как задумает убийство. За сколько часов высыхает эта глина?

ЙИРЖИ *(уверенно)*. За десять, максимум – за двенадцать. Потом она перестает дышать и уже не годится для лепки.

КУЧЕРА *(перехватывая инициативу)*. Но все еще годится для убийства. Сделать толстую лепешку, смочить водой…

ЙИРЖИ*(качая головой)*. Это даст еще часов восемь… В любом случае, через сутки такая глина превращается в камень.

ВОРЖИШЕК *(с любопытством)*. А если убийца зачерпнет ведерко прямо из болота, вместе с жижей… Да и поставит в сыром погребе…

КУЧЕРА *(подхватывает)*. Или в колодце утопит, а потом будет по чуть-чуть доставать?

ЙИРЖИ *(уверенно)*. Бесполезно! Поэтому гончары с такой глиной не связываются. В болотах ее много, набрать можно хоть бочку, но лепить придется в тот же день. Через сутки, хоть колдуй, а она уже мертвая.

МАРМЕЛАДОВ *(с интересом)*. Пане Йиржи, много ли таких

болот в окрестностях Праги?

ЙИРЖИ *(задумчиво)*. Могу назвать шесть или семь мест. Вряд ли больше. Все примерно в часе езды от города.

МАРМЕЛАДОВ *(с возрастающим интересом)*. Бедняга Голем. Вынужден таскаться в такую даль, чтобы набрать белой глины.

ЙИРЖИ *(кивает)*. Получается, так. Места глухие, из окрестных деревень никто не сунется. Очень удобно для убийцы… Наверное…*(испуганно)* Хотя мне-то откуда знать.

МАРМЕЛАДОВ *(загадочно)*. А скажите, пане Йиржи, следы от башмаков на глиняном берегу остаются надолго?

ЙИРЖИ *(кивает)*. В сухую погоду – на месяц, а то и больше. Но если зарядят грозы… Пожалуй, следы могут выдержать три дождя, а потом уж их размоет до неузнаваемости.

ВОРЖИШЕК *(азартно)*. Убийца графа Гурьева бродил там позавчера. Вы правы, пане Родион! Мы отыщем его следы!

КУЧЕРА *(скептически)*. Даже если отыщем, в чем я лично сомневаюсь… Как это поможет расследованию? Мы что же, арестуем всех мужчин Праги, приведем на болота и будем сравнивать отпечатки каблуков?

МАРМЕЛАДОВ *(с усмешкой)*. Хотите так – извольте, но я предложил бы способ куда проще. Оставим засаду в тех местах, где отыщутся свежие следы.

КУЧЕРА *(все еще скептически)*. И сколько моим людям в засаде куковать? Месяц? Два? Мы же не можем предугадать, когда Голем нанесет следующий удар.

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Разумеется, можем. Всего-то надо пустить слух по городу, что ту плотину взорвали не по велению графа Гурьева, а по капризу графа Мармеладова, который как раз сейчас гостит в Праге. Голем не упустит случая довершить начатое, и наказать всех виновников того наводнения.

КУЧЕРА *(удивленно)*. Вы что же, готовы рискнуть? А если Голем придет и задушит вас?

МАРМЕЛАДОВ *(улыбаясь)*. Надеюсь, до этого не дойдет, и вы арестуете убийцу еще на болотах. Но для этого требуется отыскать его следы.

ВОРЖИШЕК *(подбегая к двери)*. Чего же мы ждем? По коням! Надо спешить!

КУЧЕРА *(рассказывает)*. Спешить! Нужно, конечно. Но спешить нужно с умом. Лезть посреди ночи в болотистую топь… Придумают же такое. Нет, Томаш, нет. Давай-ка ты лучше отвези пане Йиржи на берег, да помоги ему отыскать пропавшее ведро. Потом отправляйся спать, выспись хорошенько, завтра придется много ходить по перелескам и буеракам. Да захвати с собой русского, подбросите его по пути к князю Салтыкову. Что значит,

не по пути? Все равно забирай его с собой. Мне сыщик без надобности.

Скрип двери, шаги по лестнице.

Я поднимусь из этого выстуженного подвала в свой кабинет. Сяду в любимое кресло. Достану с полки пыльные папки… *(чихает)* Освежу в памяти кое-какие старые дела… *(чихает еще раз)* И, может быть, наконец, найду в них зацепку… Пока этот русский не сообразил… *(зевает)* Как сцапать Голема за шкирку… Пока он… Не…

Снова чихает.

Действие пятое

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежд и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Пане Доминик, вас же просили: говорите по существу. Снова отвлекаетесь. Но это и к лучшему. Развязку истории лучше расскажет наш последний свидетель – сыщик Мармеладов. Пане Родион, по некоторым причинам мы не можем принудить вас раскрыть все секреты Голема. Если только вы сами, по доброй воле, согласитесь поделиться…

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Разумеется. Я расскажу все, что знаю о Големе.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Тогда поведайте нам обо всех событиях того скорбного дня.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Ранним утром 19 июля 1883 года пане Доминик с помощником уехали за город. Дежурный в участке сообщил, что господин следователь по особо важным делам взял с собой две дюжины полицейских, будто собирается устроить облаву на банду убийц. А своему уважаемому русскому коллеге позволил занять кабинет и велел предоставить любые документы из архива по первому требованию. Занятно получается… Сам отправился на поиски следов, меня же решил утопить в ворохе пыльных бумаг! Не терпится пане Доминику обскакать в этом деле «своего уважаемого русского коллегу». Впрочем, мне это только на руку, почитаю в тишине, пока никто не отвлекает.

Шелест бумаг.

Погрузиться в мрачную историю пражского Голема я желал не из праздного любопытства. Да, следователь изучал эти листы годами и не нашел зацепок, но ведь он мог пропустить одну-единственную деталь, которая все перевернет…

Я много лет наблюдаю за тем, как читают книги, газеты и письма, потому готов утверждать, что люди образованные видят лишь каждую третью букву из написанных в строке. Малограмотные извозчики, например, продираются сквозь текст, будто через бурелом, складывают слова по слогам, и смысл написанного доходит до них не сразу. Мы же с вами, господа, читаем быстро, порой наспех, глаз летит над строчками подобно степному орлу, выхватывая из высокой травы то фиту, то ижицу, а остальные буквы вспыхивают в голове, исходя из прежнего опыта чтения. Для нас с вами слово собирает вовсе не глаз, а мозг. Потому все газетчики, желая отыскать ошибку в своей статье,

перечитывают ее вслух, монотонно бубня: «в по-не-дель-ник мос-ков-ский ге-не-рал-гу-бер…» Когда ползешь с буквы на букву медленно, словно улитка, легко заметить пропущенную гласную или недописанного дармоеда.

Но самое интересное не в этом. Представьте себе, что все улитки движутся по строке одинаково, а полеты орлов – несравнимы. Я замечу первую букву и то, что у нее завитушка в другую сторону повернута, а иной человек упрется глазом во вторую букву и завитушку пропустит. Попросите его перечитать десять раз, двадцать, пятьдесят, и все равно не разглядит ошибки. Он ведь уже понял, что это за слово, потому и пролетает над ним не глядя.

Смею утверждать, что с фактами дела обстоят похожим образом. Следователь изучил протоколы, и у него в голове сложилась картинка: вот как все произошло. Картинку эту сморгнуть невыносимо сложно, а потому любые детали, которые в нее не укладываются, мозг отбрасывает за ненадобностью. В этом причина всех ошибок полицейских дознавателей. Пане Доминик годами мусолит кособокие строчки, а Голема поймать так и не сумел. Возможно, мне повезет больше. Свежий взгляд, свежие идеи…

Шелест бумаг.

Я шел за пражским Големом. Шаг за шагом. След в след, с трудом разбирая выцветшие чернила на старой бумаге. Постепенно вырисовывались очертания преступника. Невероятно сильный. Среди его жертв, судя по описанию, попадались настоящие богатыри, но отбиться никто не сумел. Бесстрашный. Убийца часто бродил по крышам, взбирался по водосточным трубам на верхние этажи, выпрыгивал из окна за секунду до появления случайных свидетелей. Хитрый. Он подолгу следил за теми, кого приговорил к смерти, выжидал момент, когда люди станут уязвимее, часто душил пьяных или принявших снотворных капель. Не ведающий жалости.

Разделив с убийцей все прежние преступления, я, пожалуй, смог бы предсказать следующее. Беда в том, что я не видел его лица. Только черную спину…

Шелест бумаг. Голос «Куда прикажете?»

Из архива приносили все новые папки, вскоре весь стол утонул в бумагах. Надо бы прерваться ненадолго и размять ноги. Я решил наведаться в русское посольство, к князю Салтыкову, чтобы уточнить несколько важных деталей.

Шум городских улиц.

Путь пролегал по кривым улочкам, в том числе и по Анненской. Здесь навстречу мне выкатилась похоронная телега.

На подстилке из прелой соломы стоял грубо сколоченный гроб, а в нем… В нем лежали, обнявшись, две сестрички. Эльжбета и Мартина. Их лица были безмятежны, а в волосы чья-то заботливая рука вплела полевые цветы.

За телегой шли полдюжины соседок и мальчишка лет десяти. Никто не голосил, не причитал, не оплакивал убитых. Мальчик хранил суровое молчание и старался держаться чуть в стороне, чтобы не слышать шепота старых сплетниц. А те судачили, что Голем душит лишь совсем уж падших грешников, и наперебой перечисляли, за что барышням выпала столь суровая кара.

Кучер хлестнул седую лошадь, она всхрапнула и пошла чуть быстрее. Старухи, пыхтя и охая, поспешили за телегой. Я отстал, хотя мог бы легко обогнать эту унылую процессию. Мне требовалось время, чтобы обдумать неожиданную мысль. Эти люди привыкли воспринимать глиняное чудовище, как мерило справедливости. Вся Прага верит в то, что Голем не ошибается. Но что, если это не так?

Сцена вторая

Дневная Прага. МАРМЕЛАДОВ идет по улице.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. От князя я вышел в шестом часу и поспешил в полицейский участок. Не дошел самую малость, меня окликнули из пивной на углу. В открытом окне я увидел пане Доминика, который с жадностью глотал темное пиво из огромной кружки. В Москве такой хватило бы на троих выпивох, но здешние обычаи запрещают делиться пивом или отхлебывать у соседа.

Окликнул меня помощник следователя. Он уже расправился с тремя копчеными колбасками, судя по хвостикам на тарелке, и облизывался на ледяной кувшин с квасничаком, но при начальнике осмелился пить только воду.

ВОРЖИШЕК *(радушно)*. Пане Родион! Вы обедали? Присоединяйтесь к нам.

МАРМЕЛАДОВ *(подходя к окну со стороны улицы)*. Благодарю, но я недавно из-за стола. У князя Салтыкова кормят просто на убой. Потому я не стал звать извозчика, а устроил небольшой променад.

ВОРЖИШЕК *(недоверчиво)*. Променад? Это что же за штука такая?

КУЧЕРА *(одергивает)*. Темнота! Променад – это когда гуляют для удовольствия.

ВОРЖИШЕК *(удивленно)*. Гулять для удовольствия? Это кому же охота? Для удовольствия лучше посидеть в мягком кресле, а еще лучше – на перине полежать. Мы сегодня нагулялись, пане Родион, сил нет. Устали, зверски проголодались, вот и осели здесь *(понизив голос)* К тому же пане Доминик не желает возвращаться в полицейское управление без результата.

МАРМЕЛАДОВ *(с интересом)*. А вы ничего не нашли?

ВОРЖИШЕК *(сокрушенно)*. Ни следочка. Хотя в болота залезали чуть не по пояс…

МАРМЕЛАДОВ *(с возрастающим интересом)*. Все места успели осмотреть?

ВОРЖИШЕК *(со вздохом)*. Осталось наведаться в Коломанову падь. Это недалеко, сразу после ужина отправимся.

МАРМЕЛАДОВ *(азартно)*. Я поеду с вами.

КУЧЕРА *(вытирая пену с усов)*. Ну, если утонуть в трясине не боитесь.

МАРМЕЛАДОВ *(с ухмылкой)*. Это не страшнее, чем тонуть в ворохе пыльных бумаг.

ВОРЖИШЕК *(радостно)*. Едемте, пане Родион. В три пары глаз мы куда больше углядеть сможем.

МАРМЕЛАДОВ *(настороженно)*. В три пары? А как же две дюжины полицейских, что сопровождали вас целый день?

КУЧЕРА *(снисходительно)*. Зря проездили. То ли соврал гончар, то ли дожди слишком сильные выпали. Нет следов. Мы и в Коломанову падь поедем лишь для очистки совести. А совесть моя будет куда спокойнее, если все эти полицейские останутся в Праге и выйдут на улицы с наступлением сумерек. Здесь они нужнее, чтобы гонять настоящих бандитов, а не мифического Голема.

МАРМЕЛАДОВ *(с ухмылкой)*. Вы что же, пане Доминик, разуверились в реальности убийцы?

КУЧЕРА *(все так же снисходительно)*. Отнюдь, пане Родион. Он так же реален, как вы или я, но не представляет опасности для честных горожан. В отличие от грабителей, насильников и прочего сброда, с которыми наши доблестные полицейские сражаются каждую ночь. *(к Воржишеку)* Томаш, захвати фонари. Мы вряд ли успеем засветло обернуться… Распорядись, чтобы карету подали через полчаса к моему дому. Пойдемте, пане Родион, это в двух шагах. Подберем вам плащ с капюшоном или шинель теплую. Гроза приближается, а вы в куцем сюртучке…

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Осмотреть болота до темноты мы не успели. Прав был пане Доминик, велевший своему помощнику заправить маслом сразу шесть фонарей. Каждый из нас взял по два. Тайник с жестяной задвижкой я повесил на пояс, а в руках нес обычный светильник, одно из квадратных стекол треснуло, но еще держалось. В этих местах опасно бродить после заката, повсюду из земли торчат корни дубов, которые так и норовят свалить с ног заблудившегося путника. А мы, похоже, заблудились.

Заболоченный лес, хруст веток под ногами.

Мы вышли к небольшой балке, по дну которой бежал мутный ручей. Две вытоптанные дорожки разбегались в разные стороны. Следователь по особо важным делам велел помощнику идти налево, сам же взял меня под локоть и увел к правой тропинке, в лесную чащу.

КУЧЕРА *(доверительно)*. Пане Родион, ваши методы расследования преступлений впечатляют. Но некоторые моменты, признаться, ставят меня в тупик. Вот, к примеру, Томаш обмолвился сегодня, что на Анненской улице вы расспрашивали людей о скисшем молоке. Зачем?

МАРМЕЛАДОВ *(холодно)*. Любопытно, пане Доминик? Что ж, извольте. Если помните, убийца трижды ударил Мартину головой

о решетку сточной канавы. Потом отбросил мертвое тело под телегу. Кровь струилась вниз по подземному желобу, смешиваясь с кислым молоком. Красная полоса и белая полоса, как на флаге Богемии… Их могло бы смыть дождем, но злодей, суетливо убегая в темноте, сбросил с телеги кусок старого брезента, потому эта страшная картина и сохранилась до утра. Позднее телегу передвинули прямо на решетку, прикрытую брезентом. А когда приехал я, телегу сдвинули на прежнее место, я заглянул в сточную канаву и увидел… *(достает из кармана платок, разворачивает)* вот эту пуговицу. Она влипла в молочную жижу. Убийца зацепился рукавом за решетку и не заметил, что пуговица оторвалась.

КУЧЕРА *(строго)*. Вы утаили важную улику? Да я вас… Под суд отдам.

МАРМЕЛАДОВ *(все так же холодно)*. Это успеется. Вы приглядитесь, что это за пуговица и тогда поймете, почему я скрыл улику.

КУЧЕРА *(разглядывая пуговицу)*. Обычная латунная пуговка, на высокой ножке. Такие пришивают на пальто или мундир… *(присматривается)* А что на ней выбито? Поднимите фонарь повыше, пане Родион. Мои глаза уже не столь хороши… Постойте-ка, да это же орел! Герб Габсбургов… Выходит, пуговица эта…

МАРМЕЛАДОВ *(обвиняющим тоном)*. Пуговица эта с мундира полицейского.

КУЧЕРА *(ошарашенно)*. Не может быть! Нет-нет, я не верю! *(раздраженно)* Подумаешь, пуговица в канаве! Она там могла пролежать неделю. Отчего вы решили, что это именно убийца обронил?!

МАРМЕЛАДОВ *(холодно)*. Вот поэтому я и спрашивал соседей, когда в последний раз выливали скисшее молоко. Трое подтвердили, что пане Ктибор, у которого лавка напротив мясной, выплеснул остатки нераспроданного молока из бидонов на закате, за несколько часов до убийства. Стало быть, пуговица не могла закатиться туда накануне днем или еще раньше.

КУЧЕРА *(задумчиво)*. Но это означает… *(радостно)* Пф-ф-ф! Загадки-то никакой и нет. Проще, чем пену с пива сдуть. Помните, у Томаша не хватало пуговицы на рукаве? Я его вчера распекал за это. Сегодня с утра смотрю – пришил накрепко. Так вот, когда мой помощник осматривал место гибели Мартинки, он пуговицу и обронил. К убийце эта безделица не имеет никакого отношения. Никто из пражских полицейских на такую жестокость не способен.

МАРМЕЛАДОВ *(ледяным тоном)*. Пане Доминик, взгляните

на пуговицу еще раз.

КУЧЕРА *(испуганно)*. Зачем еще раз? Чего я там не видел?

МАРМЕЛАДОВ *(жестко)*. Смотрите внимательно! Видите? Одна половина темнее другой. Это кровь Мартины, которая пролилась в ту страшную ночь. Кровь текла поверх пуговицы, и это не оставляет сомнений в том, кто убил девочку.

КУЧЕРА *(растерянно)*. Бред… Это невозможно. Пане Родион, но ведь пуговицы у полицейских стандартные. Как можно вычислить, кому именно эта принадлежит? Пусть другой полицейский, я пойму… Но чтобы Томаш… Нет, я не верю вам! Томаш все время подле меня находится. К тому же он тюфяк и умишком не вышел. Станет ли деревенский паренек в Големы метить?!

МАРМЕЛАДОВ *(с ноткой язвительности)*. Голем – безмозглое создание, которое выполняет волю хозяина. На мой взгляд, ваш помощник идеально подходит под это определение.

КУЧЕРА *(возмущенно)*. Нет, нет, я вам не верю!

МАРМЕЛАДОВ *(снова холодно)*. Это не вопрос веры, пане Доминик. Это легко доказать.

КУЧЕРА *(с вызовом)*. Докажите! Объясните мне, зачем бы вдруг Томаш убил сестер Бржезовых, да еще и снасильничал *(обескураженно)* В голове не укладывается.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Почему же – вдруг? Это был долгий и извилистый путь. Предположу, что началось все с идеи построить в Голешовице железнодорожную станцию.

КУЧЕРА *(злобно)*. Вы издеваетесь? При чем тут станция?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Терпение, пане Доминик. Вы же сами просили объяснить… За отправную точку я бы взял именно прокладку железной дороги. Пять лет назад в тихую и размеренную крестьянскую жизнь ворвался неумолимый прогресс. Ватага строителей разбила палаточный лагерь на лугу, днем они прокладывали рельсы, а по вечерам развлекались, как умели. Вы же представляете, что творится в подобных лагерях? Карты, выпивка рекой, развратницы всех мастей. Этой разгульной жизни сполна вкусил деревенский подросток, который нанялся за мелкую монету пропитывать шпалы дегтем, чтобы не сгнили от ваших вечных дождей. Через год станцию построили, рельсы потянулись на запад, палаточный городок свернули, строители уехали. Мальчишку с собой не позвали. Зачем он нужен, если на новом месте проще нанять другого, за ту же мелочь. Томаш остался без работы и, что гораздо важнее, без веселья. Жить по-старому он не хотел, а по-новому не получалось. Подался в Прагу, но и здесь ждали сплошные разочарования. Гордые городские красавицы от деревенского простака брезгливо отворачивались, а

в бордель без денег не сунешься. Стало быть, надо заработать. Но для подмастерья он был уже слишком взрослым, для клерка в конторе – недостаточно умным. Юнец из Голешовице поступил на службу в полицию, хотя это и не сулило больших денег, но зато мундир выдали, а блеск пуговиц с гербами привлекает внимание барышень.

КУЧЕРА *(раздраженно)*. И тут проклятые пуговицы приплели!

МАРМЕЛАДОВ *(не слушая)*. Начальство не особо раздумывало, куда определить парня. С вами трудно сработаться, наверняка, никто не желал служить мальчиком на побегушках у деспотичного следователя, вот новичка и сунули в самое пекло.

КУЧЕРА *(в гневе)*. С чего вы взяли, что я деспот?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Два дня наблюдаю за вами и уже сбился со счета, сколько раз вы унижали Томаша. Не думаю, что это случайность. Вы с первого дня не даете ему продохнуть. Одергиваете, критикуете каждое слово, запрещаете думать, вообще все запрещаете. Глумитесь над его родной деревней… Словом, поступаете как Австро-Венгерская империя с чешским народом.

КУЧЕРА *(брызжа слюной)*. Вранье! Да, я хотел выбить из Томаша деревенскую дурь, перековать его, закалить характер, воспитать в нем бунтарский дух, которым во все века славилась Прага.

МАРМЕЛАДОВ *(качая головой)*. А ему не нужна ваша славная Прага. Томаш подался в город за пьянками и развлечениями, мундир надел ради статуса и власти, но в итоге не получил ничего. Вместо этого вы ежедневно плющили его на наковальне своего высокомерия. За три года Томаш устал сгибаться под гнетом, захотел вырваться из-под власти тирана. А для этого есть только два пути: либо дать вам отпор – на что у него не хватило бунтарского духа, – либо в свою очередь тиранить кого-нибудь исподтишка. Заметили, с каким остервенением ваш помощник набрасывается на арестантов? Старается ущипнуть побольнее или отвесить тумаков. Этого хватило, но ненадолго. Томаш захотел подчинить своей власти неприступную красавицу, которую однажды встретил на берегу Влтавы. Эльжбету. Взял девушку силой, но та пригрозила рассказать обо всем полиции. Скорее всего, не какому-то безликому полицейскому, она грозилась пойти к вам, пане Доминик. Персональному мучителю Томаша. Он запаниковал и, испугавшись разоблачения, убил барышню.

КУЧЕРА *(недоуменно)*. Но почему выбрал столь жуткий способ?

МАРМЕЛАДОВ *(раздражаясь)*. Потому, что в вашем кабинете, пане Доминик, собран огромный архив с подробным описанием

деяний пражского Голема. Вы не раз подчеркивали, что Томашу не нужно думать. Он и не думал. Прочел ваши заметки на полях и обставил свое преступление таким образом, чтобы все подумали на Голема.

КУЧЕРА *(с вызовом)*. Но я сразу сказал ему, что убийца – человек, а не Голем.

МАРМЕЛАДОВ *(холодно)*. Верно, вы сразу это подчеркнули. Прислушавшись к вашим словам, Мартина заподозрила неладное и пошла искать убийцу сестры самостоятельно. Томаш не мог допустить, чтобы девочка узнала его секрет, подстерег ее неподалеку от дома. Душил, упиваясь властью над хрупким и податливым телом, но ему было мало этого, он уже не смог сдержаться. Надругался над мертвой девочкой, а после разбил ее голову, чтобы вымазать все тело кровью.

КУЧЕРА *(вытирая испарину со лба)*. Матерь божья! Каким же надо быть чудовищем…

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Таким, каким вы его сотворили.

КУЧЕРА *(возмущенно и испуганно)*. Я?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. А кто же еще?

КУЧЕРА *(вздрагивая)*. Не смейте обвинять меня! Я закон, и я обвиняю. *(кричит)* Томаш! Эй, Томаш! Где ты ходишь? Немедленно ко мне…

Голос удаляется и затихает в лесу.

Сцена третья

Тот же заболоченный лес, МАРМЕЛАДОВ один посреди чащи.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Старик бросился во тьму, не разбирая дороги. Безумец! Здесь же сплошные топи. Наступишь на кочку, думаешь – крепкая, а она уползает в сторону, будто еж. Смотрите под ноги, пане Доминик! Хотя, с его отвратительным зрением…

Я пошел следом, разгоняя подозрительные тени светом надтреснутого фонаря. Шагал наугад, прислушивался к звукам, и не то, чтобы ждал, скорее предчувствовал, что вскоре раздастся оглушительный крик.

ВОРЖИШЕК кричит, крик переходит в вой, потом в скулеж.

МАРМЕЛАДОВ*(рассказывает)*. Вот теперь я побежал, уже не особо вглядываясь в кочки и трухлявые пни, полагаясь лишь на свое чутье. Влажная земля хлюпала, засасывала каблуки сапог, потом я стал проваливаться все сильнее, болотная жижа доходила уже почти до колен, а каждый шаг давался с большим трудом. В голове пульсировала мысль – неужели меня нарочно заманивают в гиблое место? Или я просто сбился с пути? Крики и причитания не затихали. Я вцепился в голенище сапога и вытянул левую ногу из глинистой топи. Шагнул вперед. Потом таким же способом передвинул правую. Потом снова вцепился в левый сапог, сдирая ногтями футор. Продолжал упрямо идти вперед, стараясь не думать ни о чем, кроме следующего шага.

Вскоре я выбрался из трясины на каменистый уступ и увидел огромную яму, даже нет, скорее, небольшое озеро, наполненное жидкой глиной. Белоснежной, с мраморными прожилками – именно такой задушили графа Гурьева и еще полсотни несчастных. Сверху вязкий слой размывала вода, но чем глубже, тем плотнее он становился. Смертельная ловушка.

ВОРЖИШЕК *(кричит)*. Помогите!

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Юноша в черном мундире провалился сразу до подмышек, хорошо хоть руки успел вскинуть… Я подбежал к ореховому дереву, растущему на краю обрыва, и повис на самой длинной ветке, пригибая ее вниз, к трясине.

Скрип дерева.

Хватайтесь, Томаш! Попробуем вас спасти.

ВОРЖИШЕК *(радостно)*. Пане Родион! Как же я счастлив вас видеть! *(голос постепенно затихает)* Я бы сейчас Деве Марии и

всем небесным ангелам так не обрадовался…

МАРМЕЛАДОВ*(поверх затихающего голоса)*. Он потянулся к ветке, коснулся кончиками пальцев, ухватился, но рука соскользнула, обрывая зеленые листья. Я нагнул деревце еще сильнее. На сей раз Томашу удалось вцепиться покрепче, он издал ликующий крик, подтянулся на вершок, другой, третий…

Хруст ломающегося дерева.

Он слишком сильно сжал кулак. Хрупкая древесина переломилась пополам. Ветка распрямилась с глумливым свистом, я не сумел удержать ее и повалился навзничь.

ВОРЖИШЕК *(испуганно)*. Пане Родион! Не бросайте меня!

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Томаш провалился еще глубже, по плечи. Судя по всему, юноша был обречен, но я снова повис на ветвях орешника. И тут из темноты раздался властный голос.

КУЧЕРА *(сердито)*. Не смейте спасать эту падаль! Вы были правы, пане Мармеладов. Томаш убил обеих девочек. Приговор за это один – смерть. Так зачем нам вытаскивать его из ямы? Чтобы через неделю его повесили?

ВОРЖИШЕК *(кричит)*. Пусть повесят! Пусть… Лишь бы не так. Умоляю, пане Доминик, дайте мне эту неделю… Сжальтесь…

КУЧЕРА*(сердито)*. А ты сжалился, когда умоляла Эльжбета? Ты сжалился над Мартиной? Нет, ты душил их, ты упивался…

ВОРЖИШЕК *(в истерике)*. Все так, да! Все так! Я не заслуживаю прощения. Но хотя бы пристрелите меня, пане Доминик! Размозжите голову камнем. Убейте меня быстро! Не дайте утонуть в этой проклятой глине!

МАРМЕЛАДОВ *(сгибая ветку)*. Хватайтесь, Томаш!

КУЧЕРА *(гневно)*. Нет! Я не позволю вам спасти этого мерзавца.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Пане Доминик отшвырнул меня, как котенка. Я и представить не мог, что этот худосочный старик настолько силен! От удара о твердую землю у меня перехватило дыхание, а в глазах на мгновение потемнело. Ах, нет, это по другой причине. Следователь наступил на опрокинутый фонарь, раздавил треснувшее стекло и затоптал испуганный огонек.

КУЧЕРА *(уже дружелюбнее)*. Простите, пане Родион. Надеюсь, вы не сильно ушиблись? Давайте, я помогу вам встать.

МАРМЕЛАДОВ *(вставая и отряхиваясь)*. Справлюсь без посторонней помощи.

КУЧЕРА *(дружелюбно)*. Да разве мы посторонние? О нет, мы очень похожи. Оба служим не закону, а порядку. В его идеальном понимании… Когда каждому воздается по заслугам и грехам его,

это и есть порядок.

МАРМЕЛАДОВ *(с усмешкой)*. Вы верите в это?

КУЧЕРА *(кивает)*. Безоговорочно.

МАРМЕЛАДОВ *(с усмешкой)*. И не откажетесь от своих слов?

КУЧЕРА *(качает головой)*. Никогда. До самой смерти буду твердить, что это – высшая справедливость.

МАРМЕЛАДОВ *(с вызовом)*. Я ничуть не удивлен. Именно так и должен рассуждать Голем.

КУЧЕРА *(настороженно)*. Вы сказали – Голем?

МАРМЕЛАДОВ *(резко меняя тему)*. Пане Доминик, когда мы встретились в пивной, на вас были другие сапоги. Вы переобулись.

КУЧЕРА *(еще более настороженно)*. Переобулся, ну, так что ж такого? Я просто не хотел замарать сапоги здешней грязью.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. То есть вы обошли все глиняные болота в стоптанных сапогах, изгваздали их от подошвы до самого верха, но в Коломанову падь приехали в щегольских, начищенных до блеска. Какой же в том резон? *(После небольшой паузы)* Молчите? А я скажу. Вы боялись выдать свою тайну. Боялись, что на здешней глине с позапрошлой ночи остались следы ваших старых сапог.

КУЧЕРА *(обескураженно)*. Ловко вывели… Значит, по сапогам догадались?

МАРМЕЛАДОВ *(с ноткой презрения)*. Гораздо раньше. Вы ведь с самого начала утверждали, что Голем не мог убить Эльжбету. Во всем остальном сомневались, раздумывали, а тут сразу: запишите в протокол – нет и все! Но кто может быть уверенным в этом? Только сам Голем. Разумеется, вы знали, что не навещали Эльжбету, и от досады, что кто-то пытается присвоить ваш метод, проговорились.

ВОРЖИШЕК *(изумленно)*. Пане Доминик… Так это вы убивали всех этих… Полсотни человек! Русского графа и остальных…

МАРМЕЛАДОВ *(не слушая)*. Вы примерили на себя все роли – обвинителя, судьи и палача. А хронику убийств Голема собирали из гордыни и тщеславия. Вам нравилось быть вершителем судеб. Неуловимым. Неотвратимым…

КУЧЕРА *(с усмешкой)*. Гордыня и тщеславие? Пусть так. Но весь вопрос в том, как их употребить. Если без эгоизма, да на пользу людям, то…

МАРМЕЛАДОВ *(перебивает)*. Не лгите, пане Доминик. Оставьте высокопарные слова. Мы оба знаем, что сейчас вы обрекаете на смерть Томаша лишь потому, что он осмелился надеть вашу маску и поиграть в Голема. Вот что не дает вам

покоя.

КУЧЕРА *(холодно)*. Поиграть… В Голема… Пане Мармеладов, вы не находите, что ставки в этой игре слишком высоки… Проигравшему достается смерть.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Бледный свет луны, выкатившейся из-за туч, раскрасил этот момент зловещими оттенками. Безликий черный силуэт угрожающе надвигался, заставляя пятиться к обрыву.

Пане Доминик изначально задумал утопить в этой трясине меня – докучливого иностранца, который сунул нос не в свое дело. Поэтому он оставил в городе полицейских, а взял только Томаша. Стоя на краю этой глиняной ямы, следователь поведал бы своему помощнику всю правду о Големе и приказал бы столкнуть меня вниз. Ему нужен был преемник, который продолжит держать Прагу в страхе, уберегающем горожан от грешных мыслей. Старик хотел повязать наивного деревенского парня моей кровью и обрести над ним окончательную власть. Но, возмущенный предательством юнца, вышел из себя.

Томаш притих. Возможно, его так напугало разоблачение, или, может, все еще надеялся, что пане Доминик не оставит его в трясине и в последний момент протянет руку. А если трепыхаться в болоте, то увязнешь быстрее, это все деревенские мальчишки знают. Он молча смотрел на пане Доминика глазами, расширенными от страха и полными мольбы. Глазами тонущего котенка. Но Голем не удостоил его своим вниманием.

КУЧЕРА *(угрожающе)*. Пане Мармеладов, пусть мы с вами по-разному смотрим на справедливость, но вы должны признать: взгляды людей зависят от их эмоций. А Голем слеп и потому является идеальным воплощением справедливости. Он не совершает ошибок.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Вот уж не соглашусь. Сослепу можно таких дел наворотить! Когда наносишь удар не глядя, всегда есть риск задеть невиновных.

КУЧЕРА *(гордо)*. Среди убитых Големом нет невиновных.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Ошибаетесь. Я изучил полсотни протоколов и еще дюжину бумаг из полицейского архива и заявляю, что среди убитых вами есть невиновные. Как минимум трое.

КУЧЕРА *(недоверчиво)*. Трое? Этого не может быть.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Вы считали, что благородному борцу за справедливость не зазорно иногда надевать маску чудовища. На самом же деле вы были чудовищем.

КУЧЕРА *(резко)*. Нет, я не верю! Трое? Назовите, кто?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Мясник, которого вы считали

пособником уличной банды. Пане Игнац на скамье подсудимых клялся, что никогда не стал бы связываться с Матиушем Выдрой. И на то была причина.

КУЧЕРА *(брызжет слюной)*. Он врал! Я был в зале суда и видел лживую харю мясника. Какая еще могла быть у него причина?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Веская. Я запросил в архиве сведения об известных жертвах банды Выдры. Среди них оказались родители Мартины и Эльжбеты, которых зарезали на пороге собственного дома, многие их соседи с Анненской улицы…

КУЧЕРА *(кричит, выпучив глаза)*. Причем здесь соседи?!

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. …в том числе и сын мясника, Штепан. Ему проломили голову в день шестнадцатилетия. После этого главарь банды трусливо сбежал из Праги, а пане Игнац заявил во всеуслышание, что выпотрошит Матиуша Выдру своим огромным ножом, если тот еще раз объявится в городе. Это было за два года до суда. Не помните?

КУЧЕРА *(задумывается)*. Не помню. За два года до суда над бандой я еще не был следователем по особо важным делам и не интересовался… Постойте! Погодите! Не может быть, чтобы они убили сына… Но ведь тогда…

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Голем погубил невиновного. Но это еще не все. Помните, вы кляли герцога и его супругу? Так вот, я выяснил, что их сын, их единственный наследник, умер не от злого умысла родителей, а от чумы, которой заболел во время путешествия по Силезии. Поэтому герцог вынужден был сжечь его тело, а вовсе не для того, чтобы уничтожить улики.

КУЧЕРА *(задумчиво)*. Откуда вам знать?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Я навестил сегодня князя Салтыкова, который был дружен с покойным дворянином, и знает эту историю не понаслышке. После того, как доктора не смогли вылечить наследника, герцог в течение двух месяцев пожертвовал половину своего состояния трем больницам и медицинскому факультету Пражского университета. Сотни тысячи золотых – и все на лечение чумы. Он спас Прагу от страшного поветрия, но предпочел сохранить это в тайне.

КУЧЕРА *(ворчливо)*. Мог бы признаться на допросе.

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. В чем? В благотворительности? Он потерял наследника – горе великое, а тут еще вы со своими обвинениями. Герцог твердил, что не виноват ни в чем, но вы не слушали, дотащили это дело до суда.

КУЧЕРА *(вспыхивая)*. Видели бы вы, с каким надменным лицом он выслушивал приговор! Он знал, что его оправдают. Он

купил судью!

МАРМЕЛАДОВ *(жестко)*. Он знал, что его оправдают потому, что был невиновен. Поймите, пане Доминик, то, что человек богат и надменен, не делает его убийцей. А вы покарали и его, и супругу.

ВОРЖИШЕК *(кричит из ямы)*. Трое! Трое, а может и больше. Да ты чудовище, похлеще меня! Помоги мне выбраться, старикан, и мы закопаем здесь этого русского умника, которого ты так ненавидишь! Никто не узнает о наших преступлениях. Я буду молчать о твоих, а ты – о моих

КУЧЕРА *(не слушая его)*. Нет… Нет! Я не мог так ошибиться. Трое безвинных?! Не верю. А даже если и так, вы ведь согласны, что остальные получили по заслугам, и этот русский граф, и развратник из приюта, и другие чудовища. Суд оправдал их, потому что деньги и положение….

МАРМЕЛАДОВ *(жестко)*. Давайте начистоту, пане Доминик. Суд оправдал их потому, что вы не нашли неоспоримых доказательств вины. Молва, слухи, оговоры – вот и все, чем наполнены те пухлые папки в вашем кабинете. А всего-то надо было делать свою работу на совесть, тогда бы и Голем не понадобился… Можете убить меня прямо сейчас, как опасного свидетеля, способного разоблачить вашу тайну. Но пока мне рот не забили глиной, я буду утверждать, что вы предали Прагу, которую клялись беречь и защищать.

КУЧЕРА *(обескураженно)*. Все, что вы говорите… Это… Это…

ВОРЖИШЕК *(кричит)*. Русский, вытащи меня. Я покаюсь в убийствах. Меня посадят на тридцать лет, я отсижу. Но я не хочу умирать вот так! Вытащи меня! Я помогу тебе скрутить этого старого бздуна. Ты ведь не отпустишь его? Столкни его, сбрось ко мне. Я утяну эту падаль на дно. Если я подохну, то и он не достоин жить. Убийца!

КУЧЕРА *(раздраженно)*. Замолчи, Томаш!

ВОРЖИШЕК *(кричит)*. Разве справедливо, что я подохну за двух девчонок, а ты будешь жить… Убийца! Ты погубил троих, слышишь? Ты не Голем, ты просто кусок дерьма!

КУЧЕРА *(в гневе)*. Замолчи!!! Это ты виноват! Сегодня ночью ты мог бы стать наследником моего великого замысла. Ночным королем Праги. Но ты все осквернил, похотливый деревенский болван! Замолчи, или я заткну твою поганую пасть!

ВОРЖИШЕК *(глумливо хохочет)*. Заткнешь мою пасть? Да у тебя руки коротки!

КУЧЕРА *(повторяет в исступлении)*. Замолчи! Замолчи! Замолчи-и-и-и!!!

Бросается в яму, подминая своим телом ВОРЖИШЕКА.

Глумливый смех превращается в бульканье и постепенно угасает.

Сцена четвертая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежд и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Не могу не заметить, пане Родион. Эти показания существенно отличаются от того, что вы поведали бургомистру Праги, начальнику полиции и прочим заинтересованным лицам…

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Для них пришлось сочинить легенду – нелепую, но именно поэтому и достоверную. Я живописал, как пане Доменик Кучера и его помощник отважно сражались с глиняным чудовищем, восставшим из болота, а потом погибли, но спасли любимый город. Сказочка пришлась всем по вкусу. Бургомистр не сдержал слез, а начальник полиции провозгласил тост «За великих сынов великой Праги!», благородно простив Томашу то, что он приехал из Голешовице.

ГОЛОС ПРАГИ *(чуть насмешливо)*. Почему же вы не осмелились поведать истину?

МАРМЕЛАДОВ *(спокойно)*. Знаете, чем страшные сказки отличаются от потешек и прибауток? В них обязательно есть мораль. Простая, но оттого не менее жуткая. Не твори зла, иначе однажды тебя поглотит еще большее зло. Это и есть истина. А все эти подробности… Вы и вправду считаете, что нужно было рассказать о том, как «великий сын Праги», одержимый безумной идеей, десять лет убивал людей. О том, как он нырнул в бездонную яму, головой вперед, чтобы утопить в глинистом болоте чудовище, взращенное своими руками. О том, как я сидел на кочке посреди Коломановой пади, дожидаясь рассвета, поскольку потайной фонарь погас посреди болота, а я не рискнул блуждать в темноте. Как нашел оставленную под деревьями полицейскую коляску и целовал коней, гладил их влажные от росы гривы. Как свернул на дороге не туда и добирался до Праги лишних три часа… Не беспокойтесь, правды я не расскажу никому. Довольно с вас и сказочки.

ГОЛОС ПРАГИ *(официально)*. Благодарю вас, господа присяжные заседатели. Вы можете идти. Сегодня обойдемся без приговора. А вас, пане Родион, я хочу спросить еще об одном… Князь Салтыков. Он, хоть и прожил в Праге порядочно, в историю с Големом не поверил бы, верно?

МАРМЕЛАДОВ *(с ухмылкой)*. Разумеется, нет. Для него я придумал отдельную байку. Намекнул, что графа Гурьева убили враги Отечества нашего, коих в Европе пруд пруди. Его светлость

понимающе прищурился, уточнил шепотом: «Германцы?» Я кивнул. На том и распрощались… Теперь, когда вам все известно, вы позволите мне покинуть Прагу и продолжить свой жизненный путь?

ГОЛОС ПРАГИ *(шепотом)*. Вы вправе уехать в любое время после того, как проснетесь…

Утро в Праге. МАРМЕЛАДОВ едет в карете. Стук копыт, свист кнута извозчика, скрип колес и приглушенные звуки города – голоса на рынке, шаги и разговоры прохожих, собачий лай.

МАРМЕЛАДОВ *(рассказывает)*. Спозаранку я отправился в новое путешествие. Проезжая по узким улочкам, смотрел в окно кареты на улыбающихся прохожих, спешащих по своим делам, на красивых юношей и девушек, танцующих базант прямо на мостовой, на босоногих детей, играющих в медяшки. Город ласково жмурился в лучах рассветного солнца.

Все страхи и ужасы отступили прочь.

До заката…

За тысячу лет в этом городе пролилось столько крови, что если она в одночасье выступит из плит ратушной площади, то затопит город до самых красных крыш. Если стоны всех безвинно замученных горожан сольются воедино, то зазвучат громче старого Зикмунда, самого большого пражского колокола, и даже бессердечные уродливые горгульи на крыше собора зарыдают от жалости. Только в таком городе, построенном из могильных плит, оживают зловещие легенды. А легенду невозможно поймать, заковать в цепи и заточить в подземелье, как невозможно заточить в истоптанных камнях бессмертную душу чешского народа. Голем будет жить вечно – в головах простых горожан. И пока в эту легенду верят все, от мала до велика, в Праге будут царить мир и покой.

Я покидал многие города, и каждый из них провожал меня по-своему. Одни скрежетали зубами, как строгая и властная мать, не желающая отпускать сына в долгий путь. Другие заламывали руки со стонами, как брошенная жена, или закатывали торопливые истерики, как отвергнутая любовница. Редкие города смеялись вслед, будто задорная девчонка: возвращайся скорее да гостинцы привози!

Тысячелетняя Прага прощалась со мной голосом заботливой бабушки, которая баюкает неугомонного внука, напевая колыбельную. И маленький ребенок, все еще живущий в моей душе, замер в восторженно-сладком испуге, заново погружаясь в события последних дней, словно в навязчиво-кошмарный сон.

ГОЛОС БАБУШКИ *(напевает, на мотив колыбельной)*.

Голем прячется в тенях,
Ловит он ночных гуляк.
Тех, кто подлость сотворит,
Великан не пощадит.

Пражских улиц вечный страж,
Он на всех наводит страх.
Знают дети, старики
Тяжесть глиняной руки.

Он крадется в мире снов
По следам людских грехов.
От убийц и от бродяг
Не отстанет ни на шаг.

К тем, чьи помыслы черны,
Голем выйдет из стены.
И наутро, мальчик мой,
Не вернешься ты домой.